

СМЕНА

7

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

XI съезду Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи

Центральный Комитет ВКП(б) приветствует XI съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи и в его лице девятимиллионную армию комсомольцев и комсомола Советского Союза.

Ленинский Комсомол — передовой отряд советской молодёжи, надёжный резерв большевистской партии и её верный помощник. Выпестованный и руководимый партией Ленина — Сталина Коммунистический Союз Молодёжи прошёл большой и славный путь, вырастая и воспитывая миллионы молодых советских патриотов, активных строителей коммунистического общества.

В годы сталинских пятилеток Комсомол, успешно овладевая наукой и техникой, был в первых рядах строителей социалистической индустрии и коллективного сельского хозяйства.

В период Великой Отечественной войны советские юноши и девушки, участвуя во всенародной борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины, проявили великое мужество и стойкость, показали непоколебимую преданность Советской Отызине.

В послевоенные годы советская молодёжь вместе со всем народом по призыву партии Ленина — Сталина активно участвует в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, за новый мощный подъём социалистической экономики и культуры.

Своей патриотической деятельностью Комсомол завоевал уважение и любовь нашего народа. Заслу-

ги Комсомола перед Родиной отмечены высокими правительственными наградами.

Теперь, когда советский народ решает великие задачи строительства коммунизма, ещё более возрастает роль Комсомола в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Комсомол должен воспитывать среди молодёжи бесстрашных, добрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело партии Ленина — Сталина, за победу коммунизма.

Центральный Комитет ВКП(б) выражает уверенность, что Ленинский Комсомол и впредь будет поднимать силы юных патриотов на борьбу за дальнейший расцвет нашей Родины и прославит себя новыми подвигами во имя победы коммунизма.

ЦК ВКП(б) не сомневается, что советская молодёжь, верная принципам интернационализма, будет неминуемо ити в авангарде демократической молодёжи всех стран, борясь за мир и дружбу между народами.

Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи — верный помощник партии Ленина — Сталина!

Да здравствует наша славная советская молодёжь!

Да здравствует наш великий вождь и учитель, любимый отец и друг советской молодёжи товарищ Сталин!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).

С огромным воодушевлением встретил XI съезд ВЛКСМ приветствие Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Фото Ф. Кислова и А. Устинова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1949 год.

Год
издания
26-й

XI СЪЕЗД ВЛКСМ

Делегаты в кулуарах Большого Кремлевского дворца.

В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ...

29 марта начал свою работу XI съезд ленинско-сталинского комсомола. Девять миллионов миллионов комсомольцев, вся советская молодёжь, сотни миллионов юношей и девушек во всём мире пристально следят за работами этого исторического съезда представителей самой передовой молодёжи на земле СССР.

Каждый съезд комсомола — важная веха в его истории. Проклятые съезды съезд войдёт поистине золотой страницей в эту историю. Это съезд молодых строителей коммунизма, которым судьбою не только построить, но и самим жить в коммунистическом обществе. Счастливая участь счастливого поколения! Этот съезд мобилизует молодёжь на строительство коммунизма.

...Вот на трибуне руководитель комсомольской столицы тоги Красавченко. От имени председательства всех делегаций он предлагает избрать в состав президиума съезда секретаря ЦК ВЛКСМ А. Суслова, П. К. Пономаренко и Г. М. Полозова; М. Ф. Ширяеву, Н. А. Михайлова, В. Н. Иванова, А. А. Егоркина, Е. Харланова, Л. И. Ершову, Д. Т. Шепилова, генерала В. И. Степана, В. В. Кузнецова, И. Н. Кондукова, А. И. Покрышкина — всего 45 человек. Секретарь ЦК ВЛКСМ тога, Семинчийский вносит предложение избрать в почетный президиум съезда Политбюро ЦК ВЛКСМ во главе с товарищем Сталиным. Съезд восторженности встречает это предложение и избирает товарища Сталина почетным председателем съезда ЦК ВЛКСМ. Трудно найти такие слова, которыми можно было бы малой мере смогли передать тот энтузиазм данного съезда, с каким принималась это решение. Съезд понималось, что делегаты принесли сюда, в Большой Кремлевский дворец, неискажаемый родине беззаветной любви и посвящение советской молодёжи своей родной партии, своему лучшему другу, учителю и великому вождю — товарищу Сталину.

С огромным вниманием прослушивали делегаты отчётный доклад секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова. Яркий и содержательный доклад неоднократно прерывался бурными рукооплещиваниями. С каждым новым словом разгорались овации, когда тога Михайлов говорил о величайшей благотворной роли советских комсомольцев в жизни комсомола, о любови к посторонним, вниманию к нуждам молодёжи лично И. В. Сталину. Как торжественная клавиша комсомола, звучали слова докладчика о неизмеримом счастье и великой чести, выпавшей на долю нашей молодёжи, жить и творить под правдой руководством товарища Сталина. Вера и правда служить своему народу, во всем следовать примеру нашего вождя и учителя — в этом видят счастье и смысл цели своей жизни. В комсомоле сформировались замечательные кадры, всем своим трудом, преданные делу партии Ленина—Сталина. Комсомол был и всегда будет верен коммунистической партии! Тога Михайлов говорит о великой благодарности комсомола родному советскому правительству, И. В. Сталину за высокие награды, которым удостоены комсомол, и даёт от имени всей молодёжи клавишу комсомольского съезда оправдать доверие упорной работы во славу любимой советской Отечизны.

На высоком идеино-политическом уровне прошло обсуждение съездом отчётного доклада ЦК. Принятым было пред示范ированное политическую зрелость и практическую преданность великому делу партии. Съезд единодушно одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК ВЛКСМ.

На съезде присутствуют 1362 делегата с решающим голосом. В числе гостей — делегации демократической молодёжи ряда стран.

В следующем номере «Смены» подробнее расскажет своим читателям о работе XI съезда ВЛКСМ.

РАССКАЗЫ О ДЕЛЕГАТАХ

Тонкое мастерство

Пред утром Константина Васильевича звонок... За окном бушевал ветер. В небо вспыхи огней конкосхима и доменных печей.

— Кто это? — спросил обер-мастер. — Ах, это ты, Валерий? Чего случилось?

Мастер комсомольской думы Валерий Константинович сообщил, что для прикладки наизнанку подсыпал вязальную гарниту. Крючков спрашивал, можно ли использовать её Константина. Васильевич Зоринский по праву считает себя учителем этих беспокойных, смелых и смельчаков ребят. К тому же ещё год назад они твёрдо договорились, что всякий раз, как только появятся затруднения, Крючков немедленно разыскивает обер-мастера, вызывает его по телефону в любое время суток. Этим правилом пользуется редко. Способность предусматривать каждую мелочь, разгадывать секреты удач других горнодобывающих схем его от случайностей. К тому же Валерий прошёл большую школу.

...В 1946 году, после окончания Нижнекамского горнокомбината техникума, двадцатилетний Валерий пришёл работать на Ново-Тагильский металлургический завод. И там он впервые почувствовал себя одиноким без учителя, наставника. Попытавшись с Зоринским, юноша уже на второй день откровенно рассказал о этом.

Чужак... — отгремел обер-мастер. — Теперь наставники — это коллектива... — и по том серьёзно спросил: — А ты же не можешь присмотреть к деху? Кем бы ты хотел работать: мастером, первым горнорабочим?

— Ни тем и ни другим, — сказал Валерий. — Есть у меня желание изучить все специальности, начиная от черноворотого и кончая мастером.

Больше месяца Валерий работал помощником газовщика; потом Зоринский рекомендовал его шихтовщиком, техником по затруду горнорабочих. На этих несложных работах Валерий научился правильно подавать газ, во-время и умело удалять плавильную печь. Позднее Валерий стал четырнадцатым, затем третzym, вторым и, наконец, первым горнорабочим. Практика углублялась и расширялась теоретическими знаниями, полученные в техникуме. В неуклонном движении к тонкому мастерству доменика Валерий постоянно чувствовал направляющую руку

секретаря партийной организации Константина Васильевича Зоринского. Однажды это случилось уже через полтора года. Константина Васильевича рекомендовали его мастером. В бригаду Валерия, также по совету партгorta, были посланы молодые, неопытные рабочие. Валерий из ученика превратился в учителя.

Валерий учит ребят на их рабочих местах. А вечерами в общежитии он рассказывал им о домне, о процессе плавки металла, читал статьи, книги, рассказывающие об опыте лучших домеников страны, о совершенствовании упражнения рабочего становилась прописью. Постепенно Валерий становился интересен, популярным.

Через месяц бригада Валерия перевозничала задание; её показатели были не лучше, чем у остальных. А через полгода она стала лучшей в доменном цехе. К тому времени Валерий избрался секретарём цеховой комсомольской организации.

На одном из комсомольских собраний Крючков внес предложение, чтобы каждая бригада заняла лицензию с чёткой экономики. К тому же года спустя Крючков был самым богатым в цехе. Бригада сэкономила больше 1000 тонн руды, 1500 тонн известняка, около 600 тонн кокса и т. д. Кроме того, бригада выплавила сверх плана 1600 тонн чугуна.

...Партгорт увидел Крючкова издалека. Высокий, широколицкий юноша стоит опирясь на пушки. Поля воинской пластины опущены. Светлые глаза устремлены к альте. Горные Остроги, Дудкин, Коврижных, Рычков, ожидали команды, замерли, готовые к встрече огненной авы. Медленно отступается жара пушки — и вот в цехе вспыхнуло ослепительное пламя: металла разыгралась к колесам-вагонеткам. Партгорт с удовольствием наблюдал за Крючковым. Бригада работала салютом чётко.

Партгорт долго не уходил из хата. А лишь когда серый рассвет заглянул сквозь оконные стёкла, Константина Васильевич собрался домой. Пощаясь, он спросил у Крючкова:

— Скоро и съезд комсомола?
— Собираясь, — улыбнулся Валерий.
— Как делегат, ты должен подготовить съезд хороший подарок.
— Не беспокойтесь... Тысяча тонн чугуна сверх плана будет.

М. МЕНЬШИКОВ

Новый Тагил.

В родном депо

Серые тучи дыма поднимались над Брилском. Где-то в высоте ревели немецкие самолеты. Они по-одному выпаливали из серой мглы, и воздух дрожал от взрывов...

В один из таких беспокойных дней Михаил Гаврилович Игнатенок провожал свою семью.

— Я скоро к вам приеду. Вот только уезжая, я не мог сказать им, что я и сестрой-подросткой дочери Гене — А гам, Геннадия, учусь, что когда-нибудь буду однук.

Отец мечтал, что когда-нибудь Геня будет работать на транспорте. Старшие дочери, Тамара и Елена, пошли одна в медицинский, другая в педагогический институт. Геня должна была продолжить традиции семьи.

Небольшом алтайском городе Алейске Геннадий окончил среднюю школу. В 1943 году он поступил в Межрайонный инженерно-технический институт инженеров транспорта на механический факультет. Быстро пролетели годы. И вот наконец в руках диплом об окончании института. Геню Игнатенока, инженера по теплотехнике, направляют в паровозное депо станции Брилск-И.

Главный инженер паровозного депо, прочитав направление, внимательно посмотрел на девочку:

— Ну что ж, приезд специалиста всегда кстати. Да у нас есть отважный. Задач мы решали много, а нерешенных еще больше. Дальше, значит, думать будем вместе. Так?

Геннадий застенчиво улыбнулась:

— Попробуй.

— На первых порах трудно будет, но отчайвайтесь. Коллеги у нас хорошие, постараитесь, чтобы вы всегда чувствовали руку товарища. Всё будет хорошо.

Главный инженер встала из-за стола, подошла к окну и, глядя на медленно проходящие мимо паровозы, сказала:

— Сейчас наши бич — пережог. Тысячи тонн угля пропадают зря. И вам как теплотехнику об экономии придется подумать. От вас зависит многое. Будем использовать новый метод термозолиации паровозных котлов замысловатым способом.

— Ахах! Пригласите инженера Игнатенока. Чего? Только что вышла?

Губрский положил трубку.

— Куда ни позовини, всегда отвечают: «Только что вышла». Между прочим, какое ваше мнение о ней? — обратился началь-

ник депо к сидящему напротив главному инженеру Ткачiku.

— За работу взялась горячко. И дело у неё спорится. Трудна ей, но не жалуется.

— Не жалуется, говорите? Это хорошо.

— А я призываю жаловаться, — послышался тихий голос Геннадия; запыхавшись, он опирался на деревянную спинку стула, подозрительно блестевшую в лампе.

Девушка села на стул, поздоровалась.

— И на монитор. Товарищ начальника депо, залывику произвёл, паровоз на подушке стоит, и мы бездельничаем. Я хотела бы, чтобы поддавали очередной паровоз, не дождясь выхода предыдущего. Таким образом мы сконкним время.

— Об этом хотел и я с вами поговорить. Вы опередили меня. Выходит, что вопрос решён без прений. Будете работать беспорядочно, как винтильки, — сказал Губрский.

— Думали над этим, Ильин Евстифьевич. Вполне можно осуществить. Но так как разиневые шланги могут лопнуть, что приведёт к несчастным случаям, то я предлагаю шланги забронировать...

— Забронировать? Это, пожалуй, идея. Как вы думаете, Александр Васильевич?

— Да, неплохо придумано.

Раньше очистка труб от сажи и нагара производилась вручную, и только в letzten Jahren трофейные и советские паровозы не давали никаких результатов. Для нагрева котла требовалось много угля. Паровоз этому продукту паром в зимних условиях открывала новую возможность для экономии топлива.

Губрский крепко пожал руку Геннадию.

— Действуйте!

Прямо из кабинета начальника Геннадий пошла хлопотать о бронировании шлангов. А в депо входил очередной паровоз на залывку.

Кончилася гол. На узле с нетерпением ждала его главная миссия. Её купили, чтобы в работе наступили передоли. Результаты подвелись впереди. В декабре паровозы дали 15,7% экономии.

На областной комсомольской конференции инженер-комсомолец Игнатенок выбирался делегатом XI съезда ВАКСМ. Её попросили рассказать биографию. Она поднялась на трибуну и тихим, прерываящимся от волнения голосом сказала:

— Родилась я в 1924 году. Кончила десять классов. Потом — институт. Сейчас работает. Вот и вся моя биография. Я ничего особенного не сделала. Я просто работала.

Брилск.

К. МИНЬКОВ

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ

МЕЧТА

Двадцать лет назад ученица Аида Ерёменко записалась в кружок юных мичуринцев при Новосибирской детской технической станции.

Время, когда в Сибири она взялась вырастить на небольшом участке, предоставленном ей, каучуконосный ольвианчик кок-сагыз и дальневосточную сою. Опыты её долго не удавались. Растения вымерзали. Привыкшие к теплу, они не желали расти в суровой Сибири. Наконец Аида удались спустя ростки сок от весенних заморозков. Соя защищала, но осенью её стручки оказались пустыми. Плодов не было.

Тогда Аида решила применить метод академика Т. Д. Асаненко — провизацию семян. Соя взошла, однако побыла была неожиданно. На другой год юная исследовательница применила комбинированный метод: провизацию и так называемую фотоперiodизацию. Аида, зная, что соя при наладке к растению короткий день, создала искусственную тень, в результате чего семя укоротилось, удлинилась ночь.

Опять удались. Удались наконец получить полноценные, вполне созревшие семена.

В 1951 году Аида Ерёменко вместе с другими юннатами направлена в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Десять дней Аида посвятила её осмотр. Ей казалось, что она побывала и на Кавказе, и в солнечной Туркмении, и в цветущей Украине, и на Дальнем Севере...

Тогда же, на выставке, семинарщицами комсомолки Аида Ерёменко рассказали о своих исследованиях по изучению сельскохозяйственной науки.

Окончив школу, она поступила на первый курс Омского сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Но учиться долго не пришлось. 1941-го года война. Аида добровольцем идет в ряды армии... Вдали от фронта срочно развертывается госпиталь. Началась с того, что весь медицинский персонал, синя халата, принял заново штукатурные стены здания, ремонтировал окна, двери, крыши, бельевые машины. Этой работой руководил комсомолист Аида Ерёменко.

Справив свои пышные белокурые волосы под белую косынку, с печальными глазами на покудившем лицце, встречала Аида первых раненых. Потом их было много. Бежали дни, годы. Наконец пришел приказ о расформировании госпитала. Аида решила продолжить учебу. Она поступила в Омский сельскохозяйственный институт. Три года назад она окончила его с отличием. Аида Ерёменко принимают в аспирантуру.

Вскоре она становится сотрудником Ботанического сада в Западно-Сибирском филиале Академии наук.

Развитие местного овощного семеноводства является актуальной задачей для Сибири проблемой. Задача эта поставлена пятилетним планом и федеральским Пленумом Центрального Комитета партии, указавшим на необходимость получения высоких устойчивых урожаев овощей в Сибири. Но для этого необходимы местные семена способные выносить суровый климат. Эта проблема и стала в центре научной работы комсомолки Аида Ерёменко.

Овощной отдел Ботанического сада филиала Академии наук в первый год своего существования имел всего лишь 23 видов семян. Теперь на его опытных участках 740 растений.

Аида с удовольствием просматривает отобранные на выставку экспонаты. Си-

ные с сизым налётом спелости, баклажаны, разноцветные сорта капусты, темно-зелёные, склонные к бутафорским, огурцы, крупные, спелые, гладкие лопнули красные помидоры, волнистая оранжевая сочная морковь. На областной выставке 1946 года семенами, выращенными на участке Лидии Ерёменко, любовались толпы экскурсантов и посетителей.

Выставка ещё не успела закрыться, а в Ботанический сад уже потянулись представители колхозов и совхозов области за семенами, за консультацией.

В октябре Лидию Ерёменко пригласили в Омск на совещание по агрономии и плодоводству. За этот совещания сидели а почтенные профессора, кандидаты сельскохозяйственных наук, доценты.

Представительствующий приставала свою аспиранте-заочнице Лидии Ерёменко. Она сделала сообщение о результатах, полученных при выполнении работ по

диссертационной теме «Биология цветения и процесс формирования семян овощных корнеплодов как основа для разработки их агротехники».

В выступлениях было сказано много лестного для девушки.

В протоколе заседания появилась запись: «Результаты работы, выполненной аспиранткой Ерёменко, являются досточтимыми и могут быть оформлены в виде докторской на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. По своей методике они вполне соответствуют современному направлению в сельскохозяйственной науке».

Комсомолка Лидия Ерёменко, молодой советский учёный, исследователь и пребывавший природы, избрана делегатом XI съезда ВАКСМ.

З. и Д. ЛОМУХИНЫ

Новосибирск.

он. — Пойдёт обоз и пехота. Нужно заминировать дорогу, чтобы сделать ее на ночь...

Ночью диверсионная группа девушек-комсомолок под руководством Нины Альтвиновой установила 20 мин. А в это время стало известно, что на минах взлетело 25 гитлеровских солдат, 5 автомашин и несколко подвод. Командир бригады специальным приказом объявил Нине и её подругам благодарность.

Имя Нины Альтвиновой стало известным среди партизан. Затем удачливо следовали одна за другой. На синах взрывались пружинные эспонолы, автомашины, взлетали в воздух склады и железнодорожные мосты. Она распространялась среди населения подпольные газеты, листовки, склады Сопин-Фабрикера.

В свободные от боевых дежурных минуты Нина любила помечтать о будущем. Молодая учительница унаследовала в своих мечтах то, что днем, когда она снова вернётся в школу, возьмётся за любимое дело. А между тем время шло.

Летом 1944 года Советская Армия мощным ударом началась изгнать врага из пределов Белоруссии. Нина Альтвинова вместе с отрядом находилась в то время в Лепельском районе. Рабочих было много. И девушка безумствами помогала в тылу громить врага: она миномётчица, участвовала в засадах по разгрому отступающих немецких частей. В партизанском отряде она встретила день освобождения родной белоруссии.

И вот Нина Михайловна Альтвинова в родном Толочине, Районный отдел народного образования назначает её преподавательницей истории в школу № 3.

Все своё время и энергию отдавала учительница Альтвинова школе: она забочалась о школьном оборудовании, собирала учебники, необходимую литературу. Вскоре по её инициативе была создана школьная библиотека. А сколько сил и времени ушло на то, чтобы создать школьную комсомольскую и пионерскую организацию!

С тех пор прошло пять лет. Упорный труд, любовь к детям принесли Нине Михайловне славу умелого педагога, замечательного организатора.

Трудящиеся Толочинского района оказали Нине Михайловне Альтвиновой высокое доверие, избрали её депутатом Верховного Совета Белоруссии.

Вот уже два года Нина Альтвинова работает депутатом. Она имеет постоянную связь с избирателями, выступает перед ними с лекциями и докладами.

— Нет большего счастья, чем служить народу! — говорит она.

Небольшой домик в деревне Заречье, близ Толочина, ежедневно посещает почтальон. Каждый раз он приносит молодому депутату пачки писем. Разные конверты, разные почтовки. Пишут их люди самых различных профессий и возрастов: рабочие, колхозники, интеллигенты. Каждому избирателю Нина Михайловна старается сказать помощь, дать хороший совет.

Недавно нас довелось побывать в школе, где работает учительницей Нина Михайловна Альтвинова.

— У Нины Михайловны глубокие знания и неизуatableй талант педагога, — говорит о ней учитель.

Этим словам можно верить. Все ученики по её предмету усердны. А седьмой класс, которым она руководит, — комсомольский.

Особым авторитетом и уважением пользуется Нина Альтвинова у молодёжи. Юноши и девушки любят её за чистоту души и необыкновенную скромность. Она руководит молодёжной кружкой по изучению Ставрополья. Константинов в колхозе имени XII съезда КП(б). Её имя широко известно молодёжи области.

Делегаты Белтеськой областной комсомольской конференции избрали учительницу-патриотку Нину Михайловну Альтвинову делегатом XI съезда Ленинского-Сталинского комсомола.

С. ЖВИРЬЯ

Толочин, Витебская область.

Учителница

Глубокая ночь. Город спит. Не видно огней, не слышно людского говора. В этот поздний час только в одном доме города, склонившись над столом, при тусклой лампочке, сидит девушка с осунувшимися от бесконечности лицом. Она переписывает листовки с посланием, скройкой Соринформбюро. Ночь за работой проходит блаженством. А утром она захватывает с собой корзинку, идёт на базар, покупает продукты, кусочки масла, обернутые в алюминий. Часто Нина под видом менеджерши отправляется на станцию или в ближайшие сёла. На станции она следит за передвижением немецких войск, в деревнях изучает настроение крестьян, расположение немцев, и об этом всем девушка доносит в штаб партизанской brigady.

Борьба партизан Витебшины с немецкими оккупантами с каждым днём становилась ожесточеннее. Нина получала все новые и новые задания. Однажды было уже невозможно выполнить все поручения. Но Нина привезла к работе спаслимыми связями близких друзей — Анну Кунцевич, Стася Губаревича и Евгению Альтвинову. Группа работала чётко: партизаны были всегда хорошо осведомлены о движении вражеских эшелонов и воинских частей. Они боязничично нападали на гарнизоны, пускали под откос поезда, уничтожали немецких солдат и офицеров.

Немцы рыхкали по городу, стреляли налево и направо, чтобы помешать партизанам действовать.

Однажды Нина узнала, что её группе грозит неминуемая гибель. Она созвала своих друзей. Разговор был короткий.

— Немцы напали на наши следы, — сказа-

зала Нина. — Дальше оставаться здесь нельзя. Опытные мы будем воевать с оружием в руках.

В ту же ночь Нина оставила родной городок. Вместе с ней ушли и её друзья — Анна Кунцевич, Стася Губаревич, Евгений Альтвинов, Дмитрий Алексей и Раф Пушкины, сёстры Нина и Франя Марцинкевичи.

Обходя топки болот, пробираясь лесными чащами, Нина Альтвинова вела своих друзей в партизанский лагерь. Шла молча. Каждый думал о своей Нине: день за днём вспоминал свою жизнь... Деятство и юности её полны небольшой белорусской гордости Толочина. Здесь она учились. Окончила десятилетку. Потом Брестский учителский институт, окончила его и в сентябре 1940 года вернулась в родной городок, в родную школу учительницы. Она вела уроки истории, стараясь сделать каждый урок доходчивым, ярким и понятным для ребят, пробудить в них горячую любовь к Родине... И вдруг война, немцы. Нина вместе со своими сверстниками, также же юными, как и она, стала на путь борьбы с врагом. Вот и всё, что укладывается в её двадцать один год.

В партизанском отряде Нину зачислили в группу подрывников. Она быстро освоила подрывное дело и стала выполнять ответственные задания командирования.

Как то вечером Нину Альтвинову вызвал командир отряда Василий Маточкин.

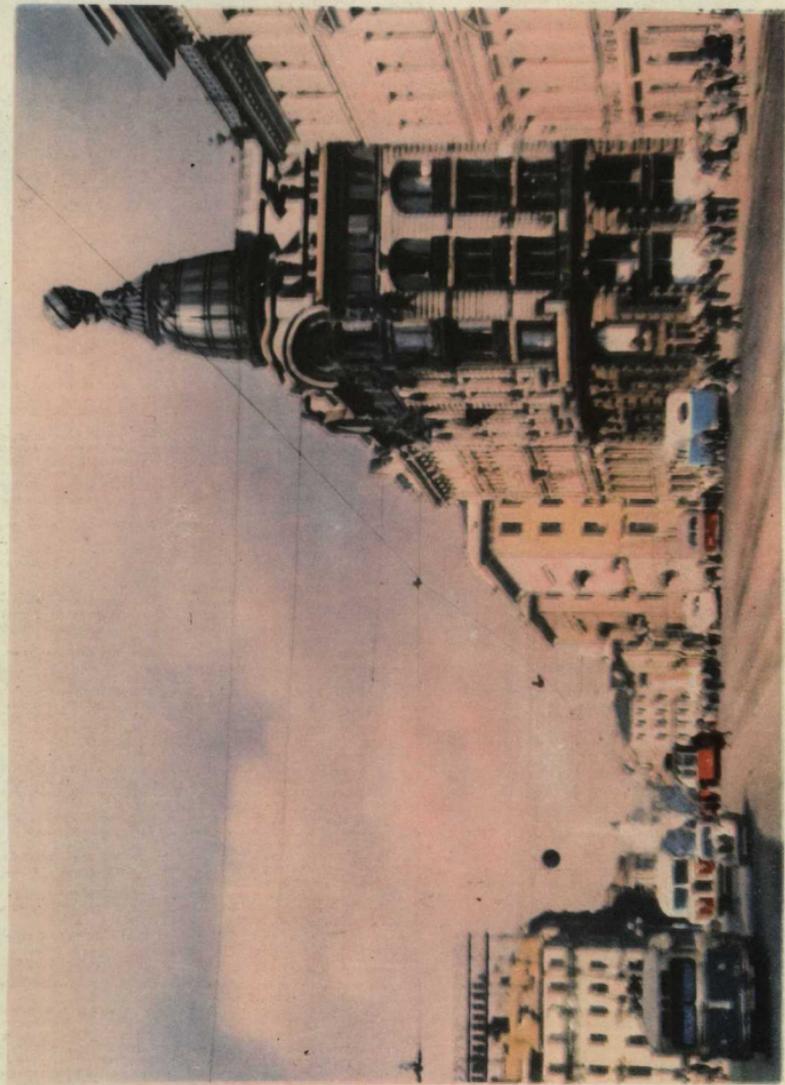
— По данным разведки, завтра немцы выезжают в деревню Муравичи, — сказал

Артек. На прогулке.

Цветное фото И. Шагина

Цветное фото Л. Экверта

Ленинград. Невский проспект.

Г. БОРОВИКОВ

В СТЕПИ

Рассказ

В полуторатонный грузовик, окраиненный в ятгуначью прозе, Чинаров залез деревня. Высокий, в тяжелых охотничих сапогах и в брезентовом плаще, нагруженный громоздким инструментом в жёлтом ящичке кубической формы, он с трудом перевалывался через борт. Трениажник он положил на дно кузова вдоль борта, а ящики ставил держать в руках на весу между коленями.

Потом неулюже вскарабкался агроном Анатолий Фролович. Постоянно улыбающийся, с живыми глазами, он ещё из вагона поезда познакомился с Чинаровым. Отдыхавший, Анатолий Фролович поднял воротник пальто из чёрного с проездом бобрика и сел рядом с Чинаровым.

Последним пассажиром оказалась молодая женщина. Она успела откинуться к боковому борту, когда на широко расставленные колеса забежало солнце в одеяло. Ноны лёгкого пуха расплывались, и женщина пытливо пыталась счесть их вместе, чтобы закрыть от холода тонкие ноги в жёлтых бумажных чулках. Из-под фиолетового кашемирового пластика, единичного почты на самый затылок, чернели волосы, гладко причёсанные на прямой пробор. Из-под одеяла чутко выглядывали смуглые щёчки носа и щёчки глаз ребёнка. Ему едва ли исполнилось и полгода.

Когда все уселись, Умар стал крутить заводную ручку, напрягая мускулы так, что вся кровь приливалась к широкому, казахскому складу лица, с приплюснутым переносцем, чёрными блестящими глазами и крупными губами, в разрезе которых блестели крепкие золотые курносы.

Весёлый юношеский мотор издавал сильные звуки и после продолжительных и неоднократных всхлипываний наконец затрещал.

Умар залез в кабину, взялся за руль.

Грузовик покатился в степь, оставляя сзади дома станицы Чингизлик на железнодорожной дороге Уральск—Илан. Через полчаса вё потонуло во мгле вечера, и машина ехала одна в безлюдной азиатской полупустыне, накрытой влохомиченым осенним небом.

В кузове было неуютно и холодно. Женщина вздрогивала, прижал к груди заснувшего младенца.

Чинаров бережно держал ящики, скользившие всякий раз, когда Умар ненароком нажимал на педаль газа, и грузовик подыгрывал, подбрасывая пасекарям и пустые бочки, словно мячики.

— Что вы так трястёте на машине? — спрашивал Анатолий Фролович, обращаясь к Чинарову.

— О! — восхитилась геодезист. — Это теодолит, очень точный инструмент, боится сотрясений.

Оставил в покое ящики с теодолитом, Анатолий Фролович начал рассказывать охотничье небытие, случавшееся якобы с ним в разных местностях Сюзана. Рассказывая о долго и неинтересно, но Чинаров слушал, думая о том сколько еще придется ему, молодому специалисту, встретить в селах и лесах разных людей и выслушивать всё это.

Машинка ехала, тело всё катились и катились дальше в степь, ступая на совсем темный. Свет фар чуть раздвигал темноту, обнимая её с заметной грунтовой дорогой. Изредка в конусные пучки света попадали тушканчики и долго бежали впереди колёс, смешно подпрыгивая на длинных задних ножках. Машину качало, подпрыгивало, наклоняло и кружило летятами, и казалось бесконечными ночь и пущанная дорога.

Неожиданно грузовик резко остановился. Анатолий Фролович прикусил язык, Чинаров выбрынул из рук ящиков с теодолитом, а казашка застонала от ударов бочки, со звоном покатившейся по дну кузова.

Умар вылез из кабинки, отошёл в сторону и закурил.

— Доехали, — сказала он.

— Как? — вырвалось одновременно восклицание у Чинарова и Анатолия Фроловича.

— Застряли... Умар произнёс это с тем спокойствием, какое присуще деревенским шофёрам во всех случаях вынужденных остановок. — Заехал в низинку... дороги не видать... Покурю, тогда попробуем выехать.

После продолжительного курения Умар забрался в кабину и дал полный газ. Мотор рычал, колёса вращались на одном месте, выбрасывая комы земли.

— Буксует, — пояснил Анатолий Фролович, хотя это и так было ясно.

Вскоре колёса еле глубже врезались в землю. Умар снова вылез из кабинки, достал из-под сиденья толстую верёвку и сказал пассажирам:

— Попробуем буксировать.

Пока пассажиры спрыгивали в вязкую глину, Умар привязал один конец верёвки за крюк под низом машины и снова сел за руль. Освещавшие фарами, Чинаров и Анатолий Фролович впригали в машину.

Мотор работал с перебоями, но машина не трогалась с места, а, скорее, глубже оседала в колее.

Пропорхнуло, должно быть, с полчаса. Всё было напрасно. Тогда Умар выругался и заглушил мотор. Анатолий Фролович стал расспрашивать шофёра о всех способах, какими можно было бы вытащить машину, но Умар твердил одно:

— Ничего не сделаешь. Главное, набросить нечего... Ни кустика кругом. Какая-нибудь машина встретится и вытащит. На это только и надежда.

Молчаливые и грустные, ходили пассажиры около грузовика, не веря в то, что ночью может быть какая-нибудь машина. Умар предложил женщине с ребёнком перебраться в кабину. Она не захотела, и он отвел её от отмычки шофёру.

Скоре им надоели глядеться, и они залезли в кузов на свои места. Попыхивая папироской, Анатолий Фролович заговорил неторопливо и слажко:

— В нашей тамбовской местности мы бы прекрасно провели: ночи развали бы костёр, испекли бы картошки... А здесь пакли не найдёшь, хоть окойл от стуки.

— А картошка у нас нашлась бы? — ехидно спросила Чинаров.

— Здесь нет, если бы вы дошли до деревни, то едва ли вернулись бы в путь.

— Вернулась бы.

— Странно...

— Ничего странного. В поле и в лесу поэзии больше. Костёр, знаете, картошка почтная, хлеб ржаной...

Чинаров, уже мучимый голodom, помчоком губами и стал закуривать.

— А ёщё лучше другое, — не унимался Анатолий Фролович. — Сидеть бы сейчас в кафе! Этак знаете, ноги ни ногу! понимать горячее каково с пирожным и читать газету. Ах, кафе! Вкусный запах, мягкий матовый свет, королевские офицерские в белых передниках!

Чинаров ничего не ответил. Засунув кисти рук в рукава плаща, он съёжился и плотно прижался к доскам, словно они могли согреть. Погода становилась всё хуже, и сизой пробирал его. Туман падал на машину, на людей, на землю, оставляя на всех влажный след.

Совсем рядом раздался детский плач. Потом ребёнок смолк, видимо, получив материинскую грудь, но скоро опять заплакал. К его плачу присоединились слёзы матери, которых Чинаров не понимал, но по нежным интонациям женского голоса догадывался, что казашка убаюкивает ребёнка:

— Ку-у-алиш! Ку-у-алиш!

Эти слова долетели до слуха мужчин сквозь захлебывающийся плач. Затем послышалась недогодный разговор по-казахски. Женщина что-то спросила Умара, а он ответил. И опять бередила сухих наездниковский детский плач.

Анатолий Фролович полез за борт.

— Надо погреться.

Он шлёпнулся на землю, крикну и заглянул в щефёрскую кабинку. Умар устроился на сиденье спать. Анатолий Фролович стал ходить около машины, притоптывая ногами и хлопая руками по бордам.

После поклонился с каждой минутой. Ветер всё свежея, и скоро его струи дыхания сшибут туман в изморозь. С неба падала мелкая беловатая влага и торопливо наизнанку поживилась, но ходя забиралась сквозь плотный брезент плаща под широким, дрожью прогребла по спине, между лопаток.

Женщина стучала истами по дно кузова. Ребёнок всё плакал. Этот стук и плач начали мешать Чинарову думать, потом вывали ему из терпения.

— Да что же это! — сказал он, садясь. Женщина ничего не ответила, вздохнула, сняла голову и приступала выбивать ногами дробь. В темноте Чинаров сумел различить смутные очертания скошнувшейся в клубок женщины и скорое почувствовалось, чем увидел, что ей трясёт сизоб. Ему стало стыдно. Он вспомнил, что женщина была одета ни по-осеннему легко, и он подумал о том, как ей должно быть холодно.

— Ку-у-алиш! Ку-у-алиш! — монотонно произносила казашка. «Замёрзший младенец» — беспокойной мелькало в голове Чинарова. Он спросил женщину про ребёнка, но она сняла ничего не отвечая.

— Как же быть с ней? — проговорила он, сняв с себя плащ, молча накрыва им женщину с головы до ног; тогда она сказала что-то по-казахски, но что, Чинаров не понял.

Оставшись в пинеле, он почувствовал, что вместе с плащом ушло от него тепло. Тёплый ветер прорубал его насквозь. На воротнике образовалась излада, и при каждом повороте головы шею неизменно обдавало ходлом. Лицо, закрытое до того капюшоном плаща, теперь не было ничем защищено, изморозь оседала на нём, скапывая, становясь по цвёту и подбородку.

Вокруг остались лишь Анатолий Фролович. Он несколько раз подхолода к борту, произносил одну и ту же фразу: насёт ногами и снять притягивалась теплота земли.

Время тянулось будто. Долго ли оставалось до утра, Чинаров не знал. Можно было бы достать из брючного кармана часы, но при одной мысли, что надо распахнуть пинеле, Чинаров съёживался. Чтобы согреться, он делал движения, выбрасывая руки

вперёд и в стороны, как дела, это на занятиях гимнастикой, и уверяла себя, что умьтесь не холода, что это самобрана, и стоит лишь взять себя в руки, как синий пройдёт. От таких мыслей порой и впрямь ему казалось теплое.

Но это продолжалось в течение каких-то мгновений, после которых всё тело пронизывала стужа.

Под плащом ворочалась женщина. Ребёнок всё ещё всхлипал, хотя уже тише. Чинаров показалось, что и женщина плачет. Он прокрутил голову под плащ. Да, женщина плахала, согретая всем телом от холода и счастья. Наоушин нашёл её руку, холода не было, а лед, став тереть в своих ладонях. Казашка не отнимала руки.

Он долго не мог согреть её:

— Давайте ваши руки сюда...

Он залез под плащ, рассстегнул пинсы и затянулся маленькие женские руки себе за пазуху. И тогда по груди его сквозь гимнастёрку поползла ледянная струя.

— Давайте ребёнка.

Свёркнул с ребёнком он положил под пинсы ниже рук матери, насколько это позволяло. Ребёнок посыпалась, засыпал, и лишь время от времени всхлипал.

Чинаров своей рукой застегивал женщину и ребёнка от пронизывающего ветра и дрожал так, что дубина член. Но вместе с тем в душе у него поднималось тепло от сознания, что он стаёт частью своей жизни людям. Теперь он знал, что никто не отворят от него эти существа до тех пор, пока не настанет утро, вместе с ними и потешение...

...На рассвете перестала падать изморозь. Только туман, серый и блеклый, как кошма, всё ещё скучивал степь.

Из плаща Чинаров вылез и стал разминать затёкшие ноги. Из тумана выплыла Анатолий Фролович. Стало уже настолько светло, что можно было разглядеть лицу и лицо.

— Как никак, а ночь скоротали! — бодрым голосом сказал Анатолий Фролович. — Я отмылся 35 800 шагов, что равно 17 900 метров, а окружённо — 18 километрам.

— Покурю и пойдем, — сказал Умар. — Земля-то вон как подковала.

— Я всегда говорю, что рано или поздно, а выход находитется из любого положения.

Сказал это, Анатолий Фролович залез в кузов. И тут ему представилась такая картина. Склонившись в угол, спала казашка. Худоба лицо её было усталым, но покойное. Чинаров сидел, съёжившись, и деревянил на руках ребёнка.

Спит — сказала он тихо Анатолию Фроловичу. — Спит гражданин Казахской республики.

Девочка, отметил тот, — зовут Куляш.

— Всё равно, — Чинаров осторожно наклонился к отверстию в свёркте против детского личинка и нежно прошептал: — Ишь ты!.. Куляш!

Куляш дышала ему в лицо, и он радовался её дыханию: в нём была маленькая жизнь.

Слышишь было, как Умар крутил ручку, заводя мотор.

— Как никак, а ночь скоротали! — бодрым голосом сказал Анатолий Фролович.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

УТРО

Я вышел в жизнь,
Она летит в снегу,
Плынет в морях,
Идёт степной далью,
Комышев травами
На берегу,
Врезается в склону,
Сверкая сталью.

Я вышел в жизнь,
Она летит в снегу,
В огнях машины,
И я скрекаю трамваи,
И в тумане
Обветренного края,
Где защек кустик тронул на бегу,
Где белка чутко слушает тайгу.

Страна моя —
На тыщи километров,
Идёны, и ключи дымы,
Ключья ветра
Распахивают позади.
А впереди —
Пусть будет жизнь большая,
Пусть трудная,
Упрямая, простая,
И с каждым днём

Краснеет и выше...
А там, вверху,
Над соснами, над крышами
Проносится далёкий,
Тихий звон.
Над синью рек,
Лесов, морей и пашен
Слетает он
С зубцов кремлевских башен.

Седой гранит
Хранит следы огня,
Седой гранит
Стонет, страну храни,
Седой гранит,
Он смотрит на меня!
И где бы ты ни был,
Знает, где ты!
Я вышел в жизнь
В лучи одетый.
В тумане,
В буре
И в ночи
Сияют светлые лучи!
И нам нести
Нетленный этот свет
По всем дорогам
Через толщу лет.

ИМЯ ЛЮБИМОЙ

Разве лирика нами заброшена
Мыль у нас не хватает слов!
Вот приходит
Нежданно, непрощено
И в окною стучится
Любовь.
И такая она вся светлая,
Так ей вечера тихи,
Что становятся сразу поэтом
Даже тот, кто не пишет стих.
Всё пестрее вокруг
И наряднее,
Города и мосты
В огнях.
Ты идёшь по земле,
Ненаглядная,
Словно в радуге и цветах.

А рассвет освещает здания,
И над городом,
Над рекой
Поднимается солнце раннее,
Близко так —
Хоть дотронься рукой!
Впереди,
За сплошной синевой,
За сплетением весенних веток
Наша все:
Корпуса птицелеток,
Города и дома в лесах
И весенние голоса...
Значит, просто неотделимы —
Имя Родины,
Имя любимой.

СОН

Будто взял тебя на руки
И иду по земле,
И с лесными подъёмками
Вышли сосны ко мне.

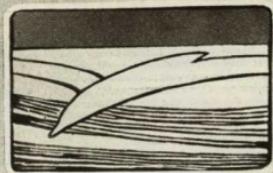
Вышли юные ёлочки
Посмотреть на сестрицу,
Покраснев до нюхочек,
Опускают ресницами.

Вышли гордые ясени,
Жмут-ми руку сильней,

Говорят: не напрасно
Я иду по земле.

А берёзки над нами
Зубки белые чотят:
«По сравнению с нами
Что-то смущая очень...»

У дорог заплытённых
Соловийный трезвон...
Оттого хорошо мне,
Что ведь это не сон.

ШКОЛА МОЛОДЫХ АКТЕРОВ

В зале тихо. Зрители пристально следят за киноэкраном. Перед ними советский комендант города майор Кузьмин и американский майор Хилл. Майор Кузьмин спокоен, увержен. Говорит он наставлениями простыми. Он — человек земной. В этих словах звучит уверенность человека, за спиной которого огромная сила советского государства и его ясной сталинской миролюбивой политики.

— Гравда сильнее доллара...

Американец обеспокоен. Он то и дело обращается к Кузьмину с вопросами, ему не сидится в кресле.

Перед зрителям проходит кадр за кадром. Вот советский комендант города беседует с немецким школьником Вальтером. Это один из представителей растущего поколения германской немецкой молодёжи. Мальчик не знает имени своего знаменитого соотечественника Генриха Гейне. Ему с детства известно, что «герцог Германии пройдёт по Волге». И вот Советская Армия в Германии. Армия-освободительница. Она не имела и не имеет намерений уничтожить немецкий народ, немецкое национальное государство. Напротив, она пришла помочь честным немцам установить подлинно народное, демократическое правительство.

Кузьмин говорит Вальтеру:

— Мы считаем, что русские должны жить на Волге, а немцы — на Эльбе.

Мальчик с интересом слушает Советскую Армию. Он олицетворяет собой ум, честность и кристальную чистоту советского человека, воспитанного партией Ленина—Сталина.

Роль майора Кузьмина — центральная роль в замечательном фильме «Встреча на Эльбе», проворсочно исполнена артистом В. Давыдовым, один из выпускников школы-студии МХАТ имени В. И. Немировича-Данченко. Молодой артист Давыдов в своей первой значительной роли продемонстрировал глубину и реалистичность традиций. Художественного театра, гордости нашей советской культуры. Но не только это обеспечило успех молодому артисту. Прежде всего он обвязан им тому, что он человек сталинского поколения, комсомолец. Артист словно не играет, а живёт мыслями и чувствами майора Кузьмина. И кажется, если бы его послали в Германию на должность советского коменданта города, он стал бы поступать точно так, как поступал майор Кузьмин.

В этом основа жизненной правды. И в этом немалая заслуга школы-студии, воспитавшей артистическое мастерство Давыдова.

Студия МХАТ родилась в 1943 году. Было тогда многое, что не могло не оказать влияния на Художественный театр, В. И. Немирович-Данченко, принесла сообщение о создании студии как самую большую радость. И это не только потому, что исполнялась его заветная

мечта, но в этом проявлении заботы о подрастающем поколении театральной молодёжи была стояла. И это не случайность в недавней победе над врагом.

В основу творческой деятельности школы-студии легли реалистические принципы К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, обогащенные практической замечательными мастерами русской сцены — Качалова, Хмелёва, Моравкина, Тарханова и др.

Школа-студия передаёт талантливой молодёжи боевое наследство, развивает у неё мастерство, питает готовность беззаветного служения социалистическому искусству, народу.

Но в театре, как и в любой области искусства, нельзя спело подражать разу установленным образам.

— Искусство актёра,—говорил В. И. Немирович-Данченко,—органически не может быть оторвано от окружающей его жизни.

Поэтому выпускники-студийцы стремятся играть героев современных советских пьес.

Бывший студенец Владимир Трошин удачно выступил в роли лейтенанта Масленникова (*«Дни и ночи К. Симонова»*). Ему близок и понятен образ молодого советского офицера.

В пьесе А. Сурова *«Зелёная улица»* роль Фени с большим успехом исполняет К. Ростовцева, а роль подростка Матвеича прекрасно ведёт А. Покровский.

В постановке новой пьесы Н. Вирты *«Заговор обречённых»* принимают участие окончившие студию Кешукова, Андистасьев, Давыдов.

Елена Хромова, бывший секретарь комсомольского бюро студии, just уже в течение двух лет выступает в роли Сони (*«Дядя Ваня» А. Чехова*).

При МХАТ созданы группы молодых ертистов из числа выпускников, которая именуется «студией-студией». Почти все они комсомольцы. Из технистов мастерство ёщё только в начале расцвета. О многих из них мы ещё услышим.

Но сейчас можно с полной уверенностью сказать, что школа-студия имени В. И. Немировича-Данченко с успехом превращается в жизнь заветы великих поборников советского театрального искусства. Она готовит смену старшему поколению актёров, а также инженеров-технологов сцены. В студии занимаются более семидесяти юношей и девушек. Некоторые из них учились и в других вузах.

Студент Московского энергетического института имени В. М. Молотова А. Матвеев в прошлом году получил диплом инженера-светотехника. Обучаясь на постновомочном факультете в студии, он занималась тем, как улучшить технику освещения сцены. Существующая комбинация цветов (жёлтый, красный, синий, зелёный) показалась ему малозадействованной. А. Матвеев предложил новую комбинацию цветной гаммы, которая была одобрена. Юноша продолжает свои поиски, проявляя находчивость и инициативу.

* * *

Актёр — пропагандист и глашатай большевистских идей. Его работу должна направлять ясность, чёткость определённости в выборе роли, горячее стремление донести до зрителя те чувства и мысли, которые выражаются в группе в тот или иной образ. Поэтому важнейшей задачей студии является идеально-политическое воспитание молодых актёров, воспитание их в духе глубокой партийности и коммунистической морали.

Помочь студийцам глубоко осознать свой высокое назначение в жизни, заожечь в сердце каждого из них ярко, неугасимое пламя творческого служения советской Родине — большая и почетная роль школы-студии.

А. ПАРФЁНОВ

Актёрское мастерство преподают в школе-студии МХАТ лучшие актёры страны. Свой многолетний опыт по созданию мировых образов советской драматургии и киноискусства передают они молодым актёрам. На снимке: народный артист СССР В. Я. Станинцы занимается со студентами 3-го курса.

Из года в год школа-студия выпускает на сцену новых талантливых исполнителей. В пьесе А. Сурова *«Зелёная улица»* роли юных комсомольцев-железнодорожников Модеста, Фени, Матвеича исполняют выпускники студии П. Чернов, К. Ростовцева и А. Покровский. На снимке (справа направо): Рубцов — народный артист СССР Борисов, Модест — артист П. Чернов, Матвеич — артист А. Покровский, Фена — артистка К. Ростовцева, Давыдов — народный артист РСФСР В. Орлов.

В роли лейтенанта Масленникова в пьесе К. Симонова *«Дни и ночи»* дебютировал молодой актёр, воспитанник студии В. Давыдов. Его игра была отмечена столичной общественностью. Радостно отметить новый успех Давыдова, сыгравшего центральную роль майора Кузмина в кинофильме *«Встреча на Эльбе»* (снимок справа).

Инженер-светотехник, студент 3-го курса А. Матвеев демонстрирует свою новую систему освещения сцены.

Звуковое и шумовое оформление спектакля студии народный артист РСФСР

Сегодня студенты актёрского факультета встретились с народной артисткой СССР О. Л. Киннепер-Чеховой. Каждая такая встреча — большой, светлый праздник для учащихся студии.

Фото Д. Шоломовича

и преподает учащимся
А. Попов.

Заслуженный деятель искусств профессор И. Я. Гремиславский показывает студентам способы наилучшего освещения декораций.

Урок танцев в студии-школе МХАТ. Этот вид искусства также необходим будущим актёрам.

Рисование — одна из важнейших дисциплин в учебной программе постановочного факультета студии.

Чёткость жеста, лёгкость в движениях, умение владеть своим телом развиваются спортивной тренировкой.

В студии регулярно выходит стенная газета. Редколлегия

заканчивает выпуск очередного номера газеты.

ЛУЧШЕЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Был светлый весенний вечер — один из последних вечеров марта. Кашин засыпал. Это небольшой тихий городок, в нём много деревянных домов, окружённых садами, старые церквишки, большая барабанная площадь. Весна в сорок первый была пригудливой: 8 мая снег засыпал Кашин. И вот наконец засыпанные сады. В тот вечер город выглядел особенно весенним. Или это только казалось двум любопытным братьчикам, по-взрослому, «ничтожным»?

Ина Константиновна училась в девятом классе. Нельзя было назвать её красавицей, но что-то привлекало к ней, — может быть, большая женственность, сочетающаяся с силой характера, необычайная живость и вместе с тем задумчивость, высокая настроенность души; выражение её лица быстро менялось, то говоря, то мигнувшись, со всей беспечностью, то приобретая выражение суровости, даже грустной, покорной, глаза яркими. Чрез несколько месяцев ей должно было исполниться семнадцать лет; в ней было немало детского: она не могла порадовать от приступов беспричинного смеха, любила дурчаться, играть в «сусдузы» или в «бульбуль-указку»; но когда проходили минуты веселья, Ина казалась взрослой: она много читала и много думала.

О чём они говорили, блуждая по улицам Кашинки? Они были ещё детьми. Миша придумал игру: кто сможет дольше глядеть другого в глаза. Ина жаловалась: «Глаза начали ужасно раздирать, текли слёзы». Они говорили о книгах: обновился Дик Лондон; Ина восхищалась Мартином Иденом и осуждала Руфу. Вспоминали первомайскую вечеринку, им тогда повезло: они оказались за столом рядом; а когда возвращались домой, было уже светло... Говорили о школе; Ина напомнила про урок военного дела: «Помнишь, я ужасно расхолодаилась, но беззвучно, а Лена Задорожная в бою сидела». Ирина загримел: «Константина!» Попросила Ина рассказать, что написала сочинение: «Как я провела роман «Левиафан» и миф больше всего привлек и зачаровал». Миша спросил: «Кто?» Ирина ответила: «Конечно, Наташа». Они мечтали о будущем: что с ними будет через десять лет? Ирина повторяла: «Маяковский тысячу раз прав: жить хорошо, и жить хорошо». Им было в тот вечер весело и тревожно. Кто знает, не подумали ли они о надвигающейся буре? Ведь, ещё

В пятом номере «Смены» рассказывалось о кашинской средней школе, в которой учились комсомольско-партизанки Ина Константинова. Тогда эта школе и улице, на которой жила героиня, присвоено имя Константиновой. «Смена» публикует статью писателя Ильи Эренбурга, в которой рассказывается о девушки из Кашни — Ине Константиновой.

осеннею Нина писала: «В нехорошем, тёмно-зеленом прасы начала я эту тетрадку. Согласна, жнійшам, а чут будзе заўтра? Жыць спрашывае». Незадолго да таго Інна прычтала «Рассказы семи поэзіенаводніка» Леоніда Андреева. Она падала маль веду: «Какая эта жуткавая вешч — «святовать, ненбандзільшы близкоты смерты? Я і сама будзе себе представіць на их меце, не чегу вышыць...». Смесьца, она рассказала, будзе у зубічага прасы и поніла, что не може вынести болю: «Міні, казалось, что я сойду...». И снова говорила серыёзно: «Это было сабое событье ў жыціі чалавека — смерть! Миша адру аспонім старыя стихі Фофана:

Может быть, желая преодолеть гордость этих слов, Миша сказал: «Я люблю тебя. Для тебя сделать, горячо я сделала все — возможное и невозможное». Они долго молчали. И вспоминали потом эти минуты: «Мы слушали чудесную музыку внутри себя». Насмешливый Миша забыл про иронию, он говорил: «Почему я не умею плакать? Я готов заплакать от счастья...»

— Это было в мае, за месяц до начала войны 22 июня, после выступления Молотова, — записала: «Что со мной было, когда я слушала эту речь! Сердце готово было выпрыгнуть из груди, неужели я оказалась спокойна на своей местности? Нет! Нужно быть полезной Родине!» О том же думал Миша: «Даже в духе стад каким-то другим», — говорила Ирина. Скорей бы на фронт! Миша ушла на войну. Он был тяжел ранен в ноябре сорока первого года, в Молотово. Она писала Мише: отвeta не было. Печально было ждать, когда же придет ответ, и встретить Новый год; не хотелось ни танцевать, ни смеяться.

4 февраля, когда она вернулась в Кашин, отец ей сказал: «Миша умер». Миша умер в ночь перед Новым годом, за несколько минут до того, как часы пробили двенадцать.

10 февраля Ина написала заявление на выселение:

«Я обращаюсь к вам с большой просьбой, которую, надеюсь, вы сможете выполнить. Я очень прошу вас взять меня в распоряжение по месту службы в Действующей Красной Армии. Дайте мне любую работу, любое задание. Я приложу все возможные усилия, чтобы оправдать доверие. Меня склоняют к тому, что я буду восемнадцать лет, я кончила курс по дружиннику, работала всю осень в госпитале, не пахла стреляло».

Ина не забывала своей первой любви: «Соня, ты же видела его во сне, причём так: я целовала его бесценно, раздавалась тому, что он тоже глядел в его глаза, чёрные, нежные, тихие». Ина спрашивала: «Мишка родной, неужели я только соня? И я до сих пор звучу у меня в сердце его ответ: «Соня».

такое абсолютно чистое и высокое чувство и есть лучшее. Оно не исчезнет, не испарится, не забудется». Крупской обычно изображают первую любовь симпатичнейшей девушки. Чувство Ины, однако, оказалось сильнее смерти: «Стала опять шутить, смеяться, но где-то глубоко-глубоко жнётся в моей душе, и о чём бы я ни говорила, как бы ни смеялась, или любви, «о-у-у-у-у»

Позднее, когда Ина сражалась в партизанском отряде, её сопровождал образ Мииши. Партизан В. И. Горбач рассказывает, что бурное веселье у Ины неожиданно сменилось глубокой печалью; бывало это, когда она вспоминала свою первую любовь.

Миши Ушакова. Но «лучшее не забывается и не исчезает» — перед девушкой и юношей, которые теперь бродят по тихим улицам Кашмина, встают прекрасные тени, достойные любви и подражания.

Изображая героев, люди древности приписывали им божественное происхождение и волшебные свойства. Антей был сыном Посейдона, он обогнал силу, прискалькался к семи. Сын Зевса, Геракл, обладал сверхъестественной мощью. Морская нимфа окунула своего сына Акилла в Стикс, чтобы сделать его тело неувязанным. Таких героев можно было воспевать, но ниельзя было подражать: могли ли смертные тягаться с небожителями? Сказочные были и герои средневековья; им восхищались, но обжигательный человек знал, что не для него меч-ладенец русского богатыря или Роланда.

На тихой улице тихого Кашина стоит ма-

ленский деревенский дом, в котором росла Ирина Константинова. Её родители — Александр Павлович и Вера Васильевна были педагогами. С ранних лет они старались вдохнуть в любимицы Ины страсть к знанию, к книге. Я побывала в Кашине, видел комнату Ины: на стене портрет Маяковского, на полке много книг, цветы. Возле дамы сидели Ина, любила грядки, любила собак и кошек. Её детство и отчество были пронизаны тёплым светом раннего утра.

Семья сыграла большую роль в развитии Ины. Может быть, она этого до конца не осознавала в те безмилежные годы, когда жила со своими родителями; чтобы оценить воздух, нужно очутиться в глубокой шахте. А когда налетела буря, Ина поняла, как крепки были нити, связывавшие ее с семьей.

Осенью 1941 года отец Илья Александр Павлович был мобилизован, а Вера Васильевна с двумя дочерьми, Инной и Реной, эвакуировалась в Молотов: немцы приближались к Кашину. Младшую, Рену, было принадлежать лет. В Молотове Ина, узнав о разгроме немцев под Москвой, искала отцу: «Милый мой, родной мой папуська! Ой, как мы рады-ты все, ты себе представить не можешь». Всё было бы хорошо, если бы там была с нами... Ты нам пиши скорее, а то мы ждём, мама уже стала духом падать, тем более что письма

Има подала заявление в районоенкомат зиной. Она продолжала учиться, сдала экзамены. С нетерпением, минутами с отчаянием, она ждала ответа: не могла стоять в стороне. Наконец ответ пришел. 4 июня 1942 года Иза уехала из Кашмина, скрытая от родителей, куда она уезжала. Она им написала после отъезда: «Милые, родные, дорогие, простите! Я знаю, что это подłość и не отношено к вам, но ведь так было лучше. Я все равно не вынесла бы мучинных саб». Не дастогодийтайтесь, не жалейте

меня — случилось то, что я всегда так хотела».

Ина — партизанка. В письмах к родным она старается их успокоить, говорит, что ей хорошо живется, что скоро она приедет в Кашин. Она признаётся: «Вот сейчас осталась в доме одна, и так захотелось виду увидеть вас всех, таких моих милых...» Её время вспоминаю: а дома сейчас завтракают, а сейчас папа с работы привлечёт, а сейчас спать ложатся, и очевидно представляю ясно и я. Но, ничего. Скоро теперь увидимся». «Миленская моя, я тебе всю-всю представлю ясно и я. Тебе и я, Реночку, и Реноку. А иногда я буду просыпаться от того, что моя мама живо представляет, что ты сидишь у меня на кровати, как когда-то дома. И мне так хорошо, так тепло. Проснулся — и нет никого, и всё пусть. Знала бы ты, как я люблю и всегда любила вас всех! Я капризничала, не слушалась, дерзала, ну да. Но всё равно всегда вы мне были дороже всего земного». Узнай, что ей отец направляется в партизанский отряд, Ина ему пишет: «Прада! Я ли это? Меня это очень обесценило. Ведь мамус и так тяжело. Спасибо тебе за поздравление. Я просто не могу спокойно читать ваши письма. В самое недавнее время я участвовала в ряду боевой обстановки и плачала, а над теми и мамусами письмом проплывалась, как будто они стала кашинской девочкой».

1 сентября 1942 года Ина встретилась с отцом. Александр Павлович рассказывает, что она не хотела ему объяснять, откуда у неё на руке стрельбы: пытались скрыть, что немцы её пытали. Когда отец назвал её «девочкой», она запротестовала: «Папа, я уже не девочка, я разведчица! Второй Калининской партизанской бригады!» Но разведчица была ещё девочкой и узница, что было для неё мешком сластей неизвестных восторгов. В тот же день Ина написала Вере Васильевне: «Миля, родная, любимая моя мамус! Миленское дороже моё солнечко! Сегодня у нас необычайнейший день: я встретила наше-го старичка, моего папку... Очень тяжело, что вы с Региной остались одни...» Письмо от 27 сентября: «Мы с папой живы и здоровы. Он в нашей бригаде. Воюем, помаленьку. Даже здесь, во вражеском тылу, рядом с немцами, я чувствую, что за линией фронта, далеко-далеко, есть у меня родные, дорогая мамочка, и мне делается тепло-тепло и немножко грустно».

Рено была на четыре года моложе Ины. В письмах к младшей сестре чувствуется материнская заботливость: «Реночка передай, чтобы она помнила меня, писала мне позже, чтобы слушалась вас, потому что потом и захотела бы послушаться, да будет поздно. И потому мы в бой пойдём за наши счастья, которое надо портить мелкими капризами. Я теперь очень жалею, что была такой глупой, непослушной капризницей! «Ренок, моя моя! Через несколько часов я уеду туда, куда нас посыпают. Ты останешься на нашей советской земле, в своей родной семье, Помини, Реночки мы идём обратно за то, чтобы всеми нашими силами хорошо и весело...» Жизнь живёт, ужасно мрачно... Совсем не соображаю. Как будто и не отец с дочкой. А там мы селили... Отец в каждом письме пишет, что мне завидуют. Ещё хватят и тебе воевать. Впереди много лесов... «Реночка» пишет, что уступила в комсомол. Поздравляю и целило. Только направо поторопились. Меня очень огорчило то, что она с такой лёгкостью пишет: «Уходи, пока ты не комсомолист, учился хорошо, а теперь можно и плохо. Так зачем же было вступать? Комсомольский билет — это не шутка. За него люди жизни калают, а у неё получается вроде игрушек».

В маленьком домике такого Кашина по-прежнему живут Константиновы. Тихо стало и в самом деле: нет Ины, а Рена в Москве, учится. Тихо в доме, но не пусто. «Большое не исчезает», — писала Ина; «и любовь к родным осталась в тихом доме, в сердцах двух кашинских учительниц, в сердце студентки Рены. В любви молодой девушки к родителям, к сестре нет ничего исключительного, это — простое и понятное всем чувство. Но и в нём Ина показала себя большой, страстью, сильной и трогательной. Порой кажется, что у

этой девушки сердце было чуть-чуть положено...

В школьные годы Ина не была заносчивой. Будучи незаурядной по своей одарённости, по глубине и полноте чувствований, она, однако, не испытывала того одиночества, которое часто бывали обречены герои-подростков.

Однажды воспользовалась легкомыслием своих подруг 27 сентября 1942 года она записала в дневник: «Ну, действительно, чем же мы живём? Сейчас, в наше время, в наши дни! Весь круг интересов многих наших девочек (о ребятах я не говорю, их сейчас очень мало) замыкается в танцах, этих противных, ночных вечерах, в кино, увлечениях, которые до жалости смешны и нелепы». Тогда она добавила: «А я? Да, стыдно сознаться, но я тоже не так живу, как следовало бы... Нельзя быть пассивной!» (Это было в те месяцы, когда Ина томилась, ожидая ответа на свою заявление.) Но сама Ина как-то промыкалась: «Продолжала встречаться с девочками и ребятами. Иногда танцующем под патефон, болтаем. Мама

и танцевала с ним». Я не помню всех подробностей, он ко мне, и я попыталась танцевать с ним. Я всё время путалась, сбивалась, пролетала что-то. «Весь вечер он пробывал с Клавушкой». «В любви надо быть гордой», «Федя показвал ей какие-то письма, мне он не показывал», «Я не хочу иметь части от целого», «Если ему нравится другая, так я не хочу быть пайщицей...» Всё это записи шестнадцатилетней девочки. Я привожу их, чтобы ещё раз напомнить, как была проста, человечна, обыкновенна натура этой необыкновенной девушки.

У неё было много друзей; они менялись: она знала, что трудно найти верного друга. Она говорила, что, бывает, пройдёт мимо человека, не заметишь, а именно он может стать тем опорой в жизни. В дружбе она не требовательна и не скучалась на месте. Долгое время она дружила с Людой, и когда Люся уехала из Кашина, для Ины это было настояще горе, первое горе в жизни. Потом она дружилась с одноклассницей Федей Германом. Она тщательно проверяла свои чувства и понимала, что с Федей ей связана именно дружба. Но всё же Ина заметила: «Он уверяет, что я не откроена для них. Отчасти он, конечно, прав. Да ведь я не могу же быть вполне откровенной с мальчиком. Как-никак, ведь он же не Люся». Дружила Ина с одноклассницами: с Таней Мантыевой, Леной Дорогутиной, Калярой Калининой, Норой Прудовой. Началась война. Из Москвы приехала Женя Никифорова из Ленинграда, Рэй Мешниковская, Ирина дружили с ними, и с Юрий Савиновским, и с Сашей Куликовым. В Молодые Ина подружилась с Людой, с Галей и с Майей.

Она хорошо относилась к товарищам: может быть, это приучило, привыкли к тому или иному из них это показывать щедроту её сердца: злые люди никогда не страдают доверчивостью. Вот как она отзывается о своих сверстниках:

«Максик Пирюкко замечательный рисует, играет и вообще во всех отношениях замечательный мальчик», «У Феди замечательные глаза, мягкие и тёплые. Он много читает, даже очень много», «Валя Амбраханс, Искра Дамме и Олечка Румянцева — все они мне очень нравятся. Олечка всегда такая ласковая», «Лидочка Кожина — прелестная!»

Любовь к товарищам придавала ей сил, радости, бодрости. 3 мая 1942 года Ина уже знает, что ей мечта скорее сбудется: через месяц ей отпразднуют в Тыре прауга. Она пишет: «Сегодня с Сашей и ребятами долги гуляли. Забрались в гору, дошли до родника, напились, вошли обратно. Чудесно было, и между нами чувствовалось, что мы друзья мои друзья... Любовь к хорошим товарищам, говорят, слушает».

Разве может быть что-нибудь лучше, несущее нашей молодости, нашей весне, нашего утра? Нет. В такие минуты весь мир любишь, хочешь раствориться во всём: в прыгающейся природе, в реке, в тумане утреннем — и так чувствовать себя частичкой всего этого. Шли мы, держась за руки». Вот ключ к пониманию судьбы Ины-партизанки, Ины-героини: «Шли, держась за руки». Она выросла в ситуацию любви к товарищам, любви к народу, любви к жизни.

Ина всегда была примерной школьницей, но она понимала важность школьной работы и часто говорила себе: «Если бы вчера не запечаткала чекистов куда, всё было бы в порядке. А теперь... Ну, задно, может быть, ещё удастся исправляться». В следующую четверть серьёзное отношение к учёбе с самого начала. Решила: «В последний день той недели меня спросили по географии. Хоть и учила, но забыла «плохое». Расплакалась. Обидно не за плохую отметку, а как-то сразу я почутствовала себя ужасно одинокой, никому не нужной», «На днях я отказалась отвечать по истории и получила «плохое». Физику тоже написала не很好地. Было жуткое настроение... Сегодня историю буду исправлять», «Отметки за эту четверть плохие, даже по звонкам «хороню». Какойスマ! Но занималась я всё-таки в эту четверть больше», «В школе последнее время дела несколько лучше», «Четверть эту кончила прилично. Только хорошие и отличные от-

Ина Константинова.
(Снимок 1943 года.)

называет это «закомыслением», она не может понять, почему люди хотят о развлечениях. А на самом деле хотят на минуту забыться от всех ужасов... И так скучу наши развлечения, что на них не следовало бы и обижаться. Да и скоро они кончатся...» Я привёл этот спор Ины с самой собой, чтобы подчеркнуть, насколько она была связана со своими сверстниками общими привязанностями, общими слабостями, общими страстями. От своих сверстницей она отлучалась не тем, что ей были присущи исключительные мысли и чувства, а тем, что мысли и чувства, присущие другим, нашли в ней наиболее яркое, глубокое, чистое выражение.

Она была смелой. Вот вечер в Доме пионеров: «Синичка танцевала девочка в щёлковых ленточках, затем сел за стол и прозовала сквозь какой-то десятиклассник, потом кто-то спустился разбил стекло и Питанов через окно скакал ловить разбойника. Ходатайствовал неимпровизирован». Вот беседа с приятелем: «Федя, ты рассказывал про верблюда, и я чуть не свалилась под стол от смеха». Вот маленькое произведение на уроке литературы: «У Феди Германа на щеке были две замечательные кликсы. Я как их увидела, так уж и успокояться не могла, чуток не до слёз ходатайствовала...»

Как многие другие девочки её возраста, она была влюблённой и ревнивой. «Теперь главное:

метки. В четвёртую постаралась добиться лучшего. Начинаю повторять».

Сохранились школьные сочинения Ины: о «Войне и мире», об «Албомове», о женщинах Тургенева. Они показывают, что Ина знала русскую литературу. Она много читала; в её дневнике можно найти суждения о самых различных авторах. Кто понял душу этой девушки, не удивится тому, что она плакала «третий или четвёртый раз» перечитывая «Ореста». Особенно страшно Ина любила познанье. У неё было чутё в стихах. Всю томик Игоря Северянина, она сразу почувствовала фальшив: «Пишут красиво, но как-то неудешевлено». Зато её покорил Блок: жалая выражавшая: «О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта! —
Учиза тебе жизнью! Принимай!
И приветствуя звоном щита».

Когда она впервые взглянула на Маяковского, она его не поняла; ей показалось, что в нём нет цвета красоты». Она тогда писала: «Нигда не появится «Джинкона», никто не создаст Венера Милосскую и Аполлона Бельведерского, никого не напишет «Божественной комедии» и «Анна Каренина». Мир теряет лучшее — красоту». Потом Ина зачеркнула эту запись и сверху надписала: «Заблуждение!» Маяковский стал её любимым поэтом. Она писала: «Как он хороши этой большой, сложной человек! Сколько ласк и тепла в его сердце!» Она часто повторяла его слова: «И жизнь хороша, и жить хорошо».

Ина родилась в 1924 году, и советский мир был ей вторым. Она говорила, будучи школьницей: «Жизнь — слегкая дорога, не знающая движений назад, движений в прошлое. Будущее — оно мое. Оно должно стать моим. И станет». В шестнадцать лет она уже понимала: «Нужно сделать так, чтобы не жизнь вели меня по своему пути, а я двигала ею так, как это надо мне. Только тогда я буду иметь право называться человеком». Тот научил Ину этой мудрости? Не тот или иной педагог, не тот или иной руководитель комсомола, но все педагоги, все комсомольцы — все, что ей окружало, она с детства тащила советским воздухом.

Она встретила войну мужественно; с первых дней начала работать в военных госпиталях. Она писала: «Защищать нашу Родину, наше счастье!» Она страдала вместе со всеми советскими людьми: «Запали прятки многое, это многое, что после того, как прогоним их, долго ещё не будет жизни в обычную колено». Молодежь, нам-то не удастся пожить спокойно и беззмятежно. А ведь через много лет люди будут учить по истории о наших днях и позаимствуют нас». В начале 1942 года она была уверена, что наши войска выйдут в Берлин. Её патриотизм был действенным: может быть, она и мало писала о своей любви к народу, но она жила этой страстью: отдать за народ свою жизнь.

За несколько месяцев до ухода в партизанский отряд Ина написала последнее школьное сочинение на тему «Я на героя становлюсь любовь». Исааковская противостояла социалистической группировке земной мифологии; она изображала спасение от земли, родины, души, руки саможника Лебды. Ей было шесть лет, когда черносотенцы убили при погроме отца и братьев. Это было до Октябрьской революции. Воспитанная советской властью, Сара становится знаменитой лётчицей и совершает подвиг. Ина писала: «Где ёщё, в какой стране, дочь голodomора старого еврея может быть такой известной всем стране девушки-героини? Этот подвиг был сделан во имя Родины, во имя Славы! Слава! Он делает счастье народу. Он сделала так, что наш народ в нашей Родине может стать героями». Это было написано обыкновенными чернилами в обмыкнутой школьной тетрадке. Ина вправдя ли тогда подозревала, что её крыло будет написана история другой девушки-героини — Инессы Константиновой...

Для того чтобы понять всю глубину подвига Ины, нужно представить себе эту девушку, одарённую, адохновённую, любящую жизнь — природу, друзей, семью.

Природа для неё не была отвлечённым нюхом или бездушной декорацией. Ещё в школьные годы не раз она восхищалась пальмами, деревьями, рекой или небом: «Кругом леса, асе в иные холмы... Ну так красиво! Особенно берёзки: стройные, ровные и все в серебристом ине, как невесты в белом уборе. Непередаваемая поэзия в этих белых лесах, особенно вечером, перед заходом солнца, когда воздух разлит как-то особенная грусть и счастье». В партизанском отряде она вспоминала Крым, где была девочкой, говорила: «Море, какое оно хорошее, особенно вечером, такое тихое, ласковое и шумит, шумит». Александр Пантелеймон рассказывает, что однажды он был в Крыму: «Они заглянули в лесокинок на склоне горы, и там было чудесно! Ина говорила: «Как хорошо здесь! Как красиво это озеро в разные лесисты сосны! Здесь бы отдыхать, а не возвращаться». В одном из последних писем к матери она пишет: «У нас очень красивые места. Много леса кругом. По вечерам пойдут соловьи, да так громко... И вечера светлые, лунные».

Оказавшись среди новых, незнакомых людей, Ина не смущалась. Она быстро подружилась с партизанами. Она описывает своих новых друзей: «Гриша Шевченко, высокий, худой, еврейского типа мальчик, легкий, развязной, не особенно крепкий, но вообщем славный парень. Затем Игорь Глинский. Чудесный малышка. Удивительно милый. Умный, разинистый, начистоту. Жакин Бересин, смуглый, как шашка. Он всегда весел, всегда улыбается. Не откладывает на завтра какого-либо дела. Затем Лёша Субботин. Он гордился тем, что может выполнить задание, отличиться. За них Боря Кулаков, очень маленького роста, чёрненький, оструминный, необычайно хитрый, смелый, хитрый, смелый хищник. И последний — Сергей Некрасов, своеобразное лицо и своеобразный характер». Милье моя ребята! Нет, с этой группой я пошла бы в ноги и в воду, как они хорошо ведут себя в походе, в бою, дома... Моя дорогие, настоящие друзья! В партизанском отряде был пятым адъютантом Давид Никонёв. Ина с ним дружила. Девушки удивлялись: «О чём ты с ним разговариваешь?» Ина отвечала: «А он такой интересный, разный! У него много разных вопросов, всё он хочет знать».

Она страстно хотела жить, мечтала о том, что будет после войны, о мирной жизни, об институте, о книгах. Мечтала о театрах, о музыке. «Только бы жить», — писала она. Что привело её к смерти? Большая любовь к жизни, к жизни в свободе и вдохновении. 30 мая 1943 года на заседании бордо подольского райкома Ину признали капитаном партии. Товарищи рассказывают, что её лицо было освещено лёгкой улыбкой: для неё это была пристра к верности жизни, народу, себе.

Я вспоминаю, как девочкой она описывала посещение здания лубяного архива... Вот что с ней произошло в Пустоши, когда ей задержали немцы: «Командир кричит: «Говори!» Молчу, Вижу, как его физиономия краснеет. Он подбегает ко мне, изо всей силы бьёт меня по левому уху. «Говори!» Офицер снова ударили меня несколько раз по лицу. Очевидно, из мгновения я потеряла сознание и упала. Встало. Голова кружила. Я щёки и губы тёчет что-то. Я прогромлю и вижу кровь. Он дрожащими руками закуривает сигарету. «Ты не скажешь?» Молчу. Ты опять будешь ко мне вдруг и неизвестно что...» Мне осталось сказать, что из-за этого неизвестно что она погибла в Греции, и я убеждён, что спасла Ины помогла далёкой греческой девушке найти себя. Один американец, который умел много языков своих соотечественников, на который нас очень-то любят, прочитав дневник Ины, сказал мне: «Это важный человеческий документ. Он показывает силу советского сопротивления». Этот американец, наверно, про себя добавил: «С таким легко справиться».

Ученицыница Еленки написала Веру Васильеву: «Строки из дневника и писем волнуют совместно мысли и воображение читателя. Даже не верится, что эти письма девочки, всего-навсего школьницы. Её мог бы позаимствовать иной писатель». Это правда. Не написал даже большой писатель таких писем: их нужно, до того как напишешь, пережить. Когда я работал над «Бурей», когда писал о Зине, о Рае, перед мною глазамиставалась девушка из Кашина — её дневники, её письма, её судьба.

Можно было бы много рассказать об отваге Ины; об этом охотно вспоминают её бывшие товарищи. Но мне кажется, что лучше, чем все эти рассказы, о мужестве Ины свидетельствует её жизненный путь. Ина сидела на опасной рабочей в тылу у врага. В начале 1943 года Ина, получив отпуск, приехала домой. Она могла поступить в институт, могла пойти в армию. Ей говорили товарищи: «Ты довольно партизанка, свою сделала, хватит». Она отвечала: «Нет. Мое место там». Она говорила так не потому, что ей указали это место, она знала, как страшна жизнь партизан-разведчицы, и она хотела для себя самого тяжёлого.

21 февраля, за несколько дней до своей гибели, Ина писала матери: «Грану устроил командир будет нас идти в разведку. Просишься и вспомниши, как когда-то ине будила в школу. Тоже не хотелось вставать, хотелось поспать, но тесь, но... какая разница. Идей утром по тесь и вспомнишь и даже чуть-чуть насладишься перед... Побывать сейчас дома...» Это письмо Ина написала за несколько дней до смерти.

Несколько партизан иначе вспоминали в землини. Перед рассветом часовой разбудил ахес: «Немцы!» Выхвачены из землиники, Ина поняла, что всем уйти не удастся. Она решила прикрыть отход товарищей; она крикнула им: «Уходите!» Встали на колено, она открыла огонь из своего автомата.

Давно, ещё до войны, Ина мечтала: «Я так хочу, чтобы у меня были... эмм... мороз. Снег таскать, гуашь... ночи... эмм... эмм... мороз. Снег таскать, гуашь... эмм... эмм... в серебряном снегу. И тишина... тишина... Кто в сказке. В такую ночь хочется думать о прекрасном и невозможном... Когда-нибудь в такую же ночь я побуду в лесе. И наступит сказка».

Ина погибла в лесу, среди снега и заблуждения. Сказка наступила — самая прекрасная: о девушки, которая умерла, спасая жизнь своих товарищей.

Что осталось от Ины? Несколько тетрадок дневников, священна из высокая сосна в лесу возле Идицы, на которой партизаны вырыли ими денишку, и не только это. «Лучше не забыться и не упасть».

По-разному складываются судьбы школьных товарищей Ины. Коря Салдиников погиб. Рэм был ранен, но выжил; он теперь в Ленинграде. Лена учится в Москве, а Таня учит детей глаголе возле Кашина. В школе Ины новые мальчики, новые девочки, новые проказы, новые увлечения. Но где бы ни были товарищи Ины, я знаю, что память о прекрасной девушки, которую она встретила на заре своей жизни, им помнится в минуты горя и уныния. Я знаю, что новое поколение девушки и юноши, которые читают дневник Ины, — участия на ней жить, борясь, во-настоящему любить, жертвовать собой.

Девятнадцатицанская Роза Яловецкая говорит: «И часто я, задумываясь над своими поступками, спрашиваю себя: «Как бы поступила на моем месте Ина?» И мне хочется еще глубже понять эту замечательную девушку». Десятнадцатицанская Роза Гончарова пишет из Брикской области: «За двинину Ина я берусь всякий раз и вспоминаю её всегда именно то, и что у меня...»

Диагност Ини писала другим другим. Мне рассказывали, что отрывки из писем были напечатаны в Греции, и я убеждён, что спасла Ины помогла далёкой греческой девушке найти себя. Один американец, который умел много языков своих соотечественников, на который нас очень-то любят, прочитав дневник Ины, сказал мне: «Это важный человеческий документ. Он показывает силу советского сопротивления». Этот американец, наверно, про себя добавил: «С таким легко справиться».

Ученицыница Еленки написала Веру Васильеву: «Строки из дневника и писем волнуют совместно мысли и воображение читателя. Даже не верится, что эти письма девочки, всего-навсего школьницы. Её мог бы позаимствовать иной писатель». Это правда. Не написал даже большой писатель таких писем: их нужно, до того как напишешь, пережить. Когда я работал над «Бурей», когда писал о Зине, о Рае, перед мною глазамиставалась девушка из Кашина — её дневники, её письма, её судьба.

«Лучше не забыться и не исчезать». Ина в это верила, и мы в это верим. Не может же забыться, не исчезнуть короткая, но прекрасная жизнь Ины Константиновой.

Комсомолка - художница Тамара Клочкова за росписью декоративных ваз [завод имени Ломоносова, Ленинград].

Цветное фото И. Шагина

Крым. В окрестностях Судака.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Истории

далёкой

разворот...

Но как нам это было и знакомо:
Гражданская...

И на дверях районов
Четыре слова: «Все ушли на фронт».
Проверено и скреплено огнём
Единство комсомольских поколений,
Недаром песни первых наступлений
Сегодня мы поймем.

И памятью о тех далёких днях
Нам перешло братское наследство:
Умение побеждать,

трудиться честно

И быть всегда на линии огня!
Нам не пришлося с будённым кочевать,
Легко было в сибирских просторы
И молодёжный комсомольский город
Среди тайных соколов поднимать.
Мы не в обиде, что случилось так,
У сверстников моих судьба навяла:
Четыре года на переднем крае,
Четыре года маршей и атак.

И в боевом величии этих дней
Окрепла комсомольская отвага.

От школьных классов

до руки рейхстага —

Бот школа мастерства моих друзей.
Мы не искали счастья в тишине,
Нам трубачи отбоя не играли.
Солдаты и в дни мира на войне.
Пусть не свистят картеч над головой
И нет давно порохового дыма!

Своих однополчан неутомимых

На улице во хватке боевой

На фронте созидали.

Гимн труда

Над родиной гремит, и верят люди:
Задор наш комсомольский не устает

Ни трудности любые, ни гора.

Недаром в память о далёких днях

Нам перешло братское наследство:

Умение побеждать,

трудиться честно

И быть всегда на линии огня!

г. Киров.

Ерван АВЕТИСОВ

З У Р А Б

Н о в е л л а

Спокойно и некогда угасал день. На листьях ёшь играла последние дуги. Вспыхнули первые огни на улицах Еревана. Появился сне-жество.

Я с трудом выбралася на людную площадь, и почти в эту же минуту последние дуги. Вспыхнули первые огни на улицах Еревана. Появился сне-жество. Казалось, солнце упало и с треском рассыпалось в воздухе на разноцветные горящие куски. То было салют в честь Дня Победы. Несколько минут, будто замедлив свою ожаждённую борьбу, замирилась лина людей, стоявших рядом. Неожиданно мой взгляд встретился с безжизненным выражением глаз: испыхнувшая запоздала ракета на миг освещала бледное молодое лицо — и все потонуло в темноте.

Движник каким-то невыразимым чувством, я подшёл к юноше, легко взял его за локоть. Он повернулся и сразу.

— Кто это? — спросил он.

И тут только я рассмотрел его. Это был слепой. На вид ему было не больше двадцати лет.

— Говорят, что сейчас светло. Это правда? — негромко спросил он после минутного молчания.

— Светло, как солнечных дней... — ответил я. И тут же показал я своим словах: лицо юноши изменилось, правая половина его задрожала. Он так же пережал свой несчастье. Чтобы отвлечь его, я спросил:

— Вы всегда бываете на площади, когда салютуют?

— Нет! Это первый раз, — негромко ответил незнакомец. — Я привезший, армянин.. из Сирии...

Помолчав, он продолжал медленно, с трудом:

— Я приехал к себе в Сирии, — сказал он, — в Сирии. Но здешне не могу. Думал, ату, ролем слепой и умру спустя. Вот и вся жизнь. А теперь не могу. Я всегда мечтал о сюю родине. Пусть я родился не здесь, мальчиком бегал не по этой земле, но сердце мое всегда был с земли. От жизни жалел только одного: быть здесь. Но вот... Получается, обманул себя: теперь забылось большего — видеть!

— А вы говорили с врачом? — неуверенно, скрывая охватывшую меня жалость, спросил я.

— Вчера был консультум. Врачи сказали:

«Тяжелая операция, но надежда есть». Я все-

готов перенести, чтобы видеть, — трудиться... Хочу жить по-настоящему...

Площадь опустела. Люди торопились домой, чтобы в кругу друзей, за семьюстаком столом, отметить очередную годовщину Дня Победы.

— Пойдёмте посидим в саду, — предложил я.

Он согласился. Слегка постукав по тротуару палкой, он медленно шёл рядом со мной. Мы вошли в небольшой сквер, сели на свободную скамью. Несколько минут длилось молчание. Мой спутник, закав между коленами свою палку и опирясь на неё, склонил голову, словно на плечо старого друга. Было уже поздно. Он достал из кармана часы. На них не было стекла. Он осторожно пройдя кончиками пальцев по циферблатау, коснулся стрелок.

— Пора домой... уже без двадцати одиннадцать, — сказал он тихим, придальенным голосом. И зарубил голову: — Что это шелестит от ветра? Или мне кажется?

— Это плющ. Оно висит около нас...

— Что на нём написано? Прочите мне...

— Это не лузун. Это портрет товарища Сталина.

— Сталин? — тихо переспросил юноша.

И вдруг улыбнулся. Повернувшись спиной к портрету, он будто прошёл, стал уверенным голосом, рисовать мне портрет Сталина: такие-то волосы, глаза, усы... Я был поражён. На минуту я лицо закрылся сомнениями. Я заглянул ещё раз в его глаза. А юноша всё говорил.

И чем дальше я его слушал, тем больше удивлялся, невольно перевода взгляд от него лица, то на портрет вождя. Как будто только недавно юноши посмотрел на изображение дорогого, любимого человека и, закрыв глаза, привнес вспоминать отдельные, даже самые неизвестные черты его лица.

Он продолжал так, как будто это было давно, как и на- чал. Настроение было полное мечтаний.

— Если бы я мог видеть, узнал бы его.

Он достал из кармана небольшую, мечтами пожелтевшую фотографию и протянул её мне. Это был портрет товарища Сталина.

— Когда вы смотрите на меня, оно ви- сает на стене, — сказал он. — Так и живь. Она радовалась в вас и темела меня. Когда я жил в Сирии, у меня был вот этот портрет. Я держал его перед глазами — и он для меня светился. Это было

сильнее солнца. Это был человек, о кото-

ром я думал постоянно. И я помню его. Мне сильно захотелось знать его лицо.. И я стал показывать портрет людям. Просил, чтобы они говорили мне то, что они видят: глаза, взгляд... Трудно было запомнить, многие передавали по-разному, и я старалася улавливать общее, характерное. Я запомнил все его черты. Они окиживали для меня...

Я молча слушал его и в то же время думал о жизни человека, о любви, которая поддерживает в несчастье.

У меня никого нет, кроме отца. Мама живёт вдали. Он будет беспокоиться. Мне пора...

Мы сидели молчали. На мое предложение прополоскать его я категорически возразил:

— Нет! Не надо...

Я спросил его имя, адрес.

— Зураб! — ответил он, и крепко пожал мне руку, пошёл от меня.

Я долго смотрел юношу вслед. Он шёл уверенной походкой видящего человека, и, если бы не глухое постукивание палки, я бы не поверил самому себе, что такое лицо минуту назад я разглядывал со слезами.

• • •

Лето кончилось. Я часто думал о Зурабе. Однажды я не выдержал и пошёл к нему. Мне сказали, что его положили в больницу. Я решил пойти в больницу. Четырнадцатая палата находилась на втором этаже. Надев больничный халат, я вошёл в комнату, где лежал Зураб; почти весь медицинский персонал, собравшийся вокруг старшего врача наблюдал за тем, как больному снимали повязки с глаз. В больнице я сразу же узрал Зураба. Его лицо было бледно необыкновенно. Сестра медленно развязала бинты, он медленно скользнула с глаз. Зураб поднял голову.

— Свет, доктор! Свет! — крикнул он.

Но вдруг прозрачный вздох дрогнул: он увидел висящий на стеле портрет.

— Это Сталин? — тихо спросил он.

— Да! Это Сталин, — ответила удивлённый доктор.

— Я не ошибся. Такие я его и видел... — негромко, чуть дрогнувшим голосом проговорил юноша.

Это был первый человек, которого увидел и узрал Зураб.

Ереван.

К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

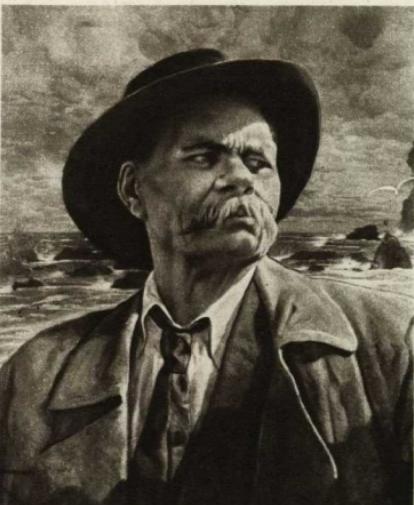
Вы спрашиваете:
«Ненавидят ли ваша страна Америку и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенно, раздуто. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтобы «сделать» деяниями. Разрешите сообщить, что на первый наш вопрос, — так же как и на всякие иные, — я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны, ибо не имею возможности спросить их: как они относятся к вашей стране?

Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары — на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае и даже среди десяти миллионов цветных людей территории С.С.А., не найдется ни одного разумного человека, который присою бы себе право сказать вам от имени своего народа: «Да, — моя страна, мой народ ненавидят Америку, весь её народ, рабочих так же, как и милянандеров, цветных так же, как белых; ненавидят женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящеё нашей страны, её науки и учебных, её великолепную технику, Элисона и Альтера Варданка, Эдгара Поз, Уотса Уиттмана, Вашингтона и Линкольна, Т. Драйзера и Е. О'Нейль, Шервуда Андерсона, всех талантливых художников и прекрасного романиста Брет-Гартта, духовного отца Д. Лондона, ненавидят Торо, Эмерсона и всё, что есть С.С.А., и всех, кто живёт в этих штатах».

Надеюсь, вы не ожидаете, что найдёте идиот, способный ответить на ваш вопрос так бедумно, с такой ненавистью к людям и культуре.

Но разумеется, то, что вы называете цивилизацией С.С.А., не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация, это — самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразие и позорные уродства европейской цивилизации. Европа достаточно трагически развернула цинизмом классовой структуры государства, но всё же в Европе ещё невозможно такое зредко и бесмысленное явление, как ваши милянандеры, милянандери, люди, которые одаряют вашу страну дегенератами. Вы, конечно, помните Бостонское убийство двумя белоголовыми малявичками третьего, — убийство из любопытства? А — сколько у вас таких преступлений из «снобизма», из любопытства? Европа тоже

М. ГОРЬКИЙ

ОТВЕТ НА АНКЕТУ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА*

Тепло, с глубокой любовью отметил народы Советского Союза и 81-ю годовщину со дня рождения великого русского писателя и родоначальника советской литературы Алексея Максимовича Горького великий патриот и геройский глашатай новой, социалистической культуры — М. Горький, — создатель бесподобно ярких и разоблачающих растущую буржуазную культуру. С особой силой изображал Горький на презренную «цивилизацию» капиталистической Америки, которую великий чумакист называл «самой уродливой цивилизацией нашей планеты».

может похвастаться бесправием и беззащитностью своих граждан, но всё же она ещё не дошла до такого позора, как убийство Сакко и Ванцетти. Во Франции было «дело Дрейфуса», тоже очень постыдное, но во Франции на защиту невинного выступили Э. Золя, Анатоль Франс и повел за собой тысячи людей. В Германии после войны возникло нечто вроде Ку-Кlux-Кланы — организация убийств, но там их выловили и судили, а у вас это не принятно: Ку-Кlux-Клан убивает, пинкически издается над цветными, над женщиными и всё это — безнаказанно так же, как безнаказанно расправляются губернаторы штатов с рабочими-социалистами.

* Печатается по материалам архива А. М. Горького.

В Европе нет такого отвратительного явления, как травля «цветных», хотя она страдает другой позорной болезнью — антисемитизмом; впрочем, болезнь этой заряжена и Америка.

Преступность в Европе тоже достоинство растёт, но ещё не дошла до того, что, — судя по вашим газетам, — творится в Чикаго, где, кроме бандитов биржи и банков, свободно хоязняничает ещё и бандит с револьверами и бомбами в руках. Невозможны в Европе и те бытвы, которые вызывал у вас сухой режим. Невозможен мир города, публично сжигающий книги английских классиков, как это сделала мэр Чикаго.

Не думаю, Б. Шоу имел бы право ответить на приглашение в какую-либо иную страну так «саркастически», как ответил он на приглашение редактора «Nation» О. Г. Вилларда приехать в Америку.

Капиталисты всех стран одинаково противны и бесчеловечны племя, но ваши хуже. Они видимо более грубо жадны к деньгам. Кстати: слово «бизнесмены» я перевёл для себя словом — маниак.

Вы подумайте, как всё это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились ухаживать и обогащать, — почти исчезла земля в жаждных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать. Великолепную творческую силу — кровь и мозг учёных, техников, поэтов, рабочих, создавших науки культуры, нашу «вторую природу», эти туповатые люди превращают в жёлтобелые крушки металла и в бумажные полоски чеков.

Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность, ненависть, которая неизбежно уничтожает их, но, вместе с ними, может взыскать своим уничтожить и множество культурных ценностей. Ваша болезненно гипертрофированная цивилизация грозит вам величайшими трагедиями.

Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счёт чужого труда. И, разумеется, я советую объявить капиталистов группой людей, социально опасных, конфисковать имущество их в пользу государства, переселить этих людей на один из островов океана и пустить они там спокойно перерумы. Это очень гуманное разрешение социального вопроса, и оно — совершенное в духе «американского идеализма», который есть нечто иное, как наивнейший оптимизм людей, ещё не переживших драм и трагедий, в общем именуемых «историей народа».

Над старинными узкими улочками и широкими полями просторами Таллина величественно возвышаются древние крепостные башни. Одна из самых больших башен называется «Кик ни де кек», что в переводе с эстонского означает «Смотри в кухне». Оригинальное это название объясняется тем, что в 36-метровой высоте башни-бастиона можно было когда-то заглянуть в кухни соседних домов.

Сейчас таллинские спортсмены шутливо предлагаю переименовать «Кик ни де кек» в «Кик ни де корт». Дело в том, что у подноска башни, на площади Победы, заканчивается строительство большого теннисного корта. Этот двадцатый по счету корт в столице Советской Эстонии, Таллине, «любит» спортивные и с увлечением им занимающиеся.

В досуговых залах, буракузом Таллина, едва ли набралось с полсотни теннисистов. Теперь их здесь 900, а по всей республике — полторы тысячи. Особенно популярны тениссы на младежи. За последние годы в Эстонии подготовлено 167 теннисистов-разыгрывников. Имена эстонских теннисистов мастеров спорта Отто Ааре и Фердинанд Креэ, Г. Гафта, А. Ивановой, И. Иллел и хорошо известны по многим всесоюзным соревнованиям.

О том, как добились таллинцы непрерывного и бурного роста теннисных секций, о том, как появляются тениссы со своим спортивным мастерством, рассказывает нам председатель теннисной секции республиканского комитета по делам спорта и спорта Юрий Бернан.

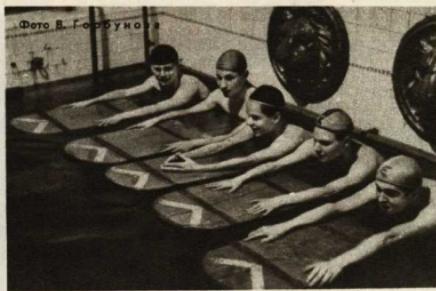
Когда после окончания войны мы начали налаживать физкультурную работу, то увидели, что в Таллине есть только 40 теннисистов. Нет, нельзя ждать вспышки в собственном соку! Надо взяться за дело широко, по-советски и сделать массовую игру.

Как привлечь в свои ряды новичков, чтобы не потерять поклонников, пока молодежь придет в теннисные секции, а самим с мячами и ракеткой пойти в гущу молодежи. Тениссы направились в городские школы. Они стали инструкторами-общественниками по обучению школьников искусству тенниса. Каждый из наших опытных игроков имеет свою подибейную школу. Г. Таффи руководят юношескими тениссы в 1-й гимназической школе, У. Вийобер — в 10-й, мастер спорта Э. Креэ — шеф 21-й школы.

Шефство мастеров ракетки над школьниками продолжается до сих пор и даёт отличные результаты. В 23 школах Таллина существуют коллективные тениссы.

У физкультурных организаций Советского Союза накопился огромный опыт массовой и научной работы. Таллинские тренеры учатся этому широко и смело. Следом за шефством над школами сильнейшие тениссы стали проводить курсы тренеров-общественников, матчевые встречи между клубами, открытые соревнования для игроков разных категорий, учебные сборы. И популярность тенисса, любовь к нему росла из года в год.

Тениссы в Таллине давно уже перешли быт сезонной, летней игрой. Короткие глухие удары ракетки по мячу можно услышать во многих гимнастических залах и зи-

Юные пловцы Таллина на тренировке в бассейне.

У ДРЕВНИХ БАШЕН

Евг. ВАСИЛЬЕВ

мой. Центром же всей работы является огромное здание городского теннис-зала близ парка Ка-

дриора. С утра до позднего вечера под широкими дугобразными сводами Тенис-зала эхают ожиданные голоса. Здесь встречаются и шестидесятилетний доктор-ларинголог Эмilia Лайра, который играет в тениссе уже 45 лет, и однолетний мальчик Келдэр, впервые взявшего в руки ракетку, облачённую в румяную рапсодию. В Тенис-зале занимается около 400 разыгрывников и учащихся детских и юношеских спортивных школ.

Какие отличные игроки растут среди таллинской молодежи! Можем ли забыться чистой и точной игрой 17-летнего динамовца Х. Каламе, чемпиона Эстонии среди юношеской, Хорло горгули московского тенисса И. Вахтера. Х. Каламе. Среди девушки выделяются

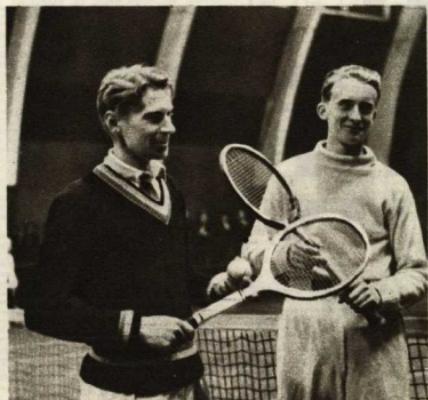
своими способностями В. Каламан, Л. Гаргиноева, М. Тапи.

Молодые тениссы, участвующие в разыгрывании зимнего первенства Таллина, сейчас готовятся к республиканским соревнованиям. Кончатся соревнования — снова за тренировку. Еще беззаботнее должен стать глазомер, еще точнее удар, еще послушнее и сильнее тело!

В это время как в солнечном зале у Кадриорг-парка передвигают через сетку тутые белые ядра тенисовых мячиков, в противоположном конце города, в другом большом здании, у старины крепостной стены, слышны плеск воды, рассекаемой пловцами. В гордом плавательном бассейне особняком много молодежи.

В начале зимы спортивного союза Эстонии в плавании принимали у себя гостей из Москвы. Для

проведения учебно-тренировочного

Чемпион Эстонии по теннису среди юношей Харри Каламус (правее) со своим тренером, мастером спорта Эзальдом Креэ.

сбора эстонских пловцов сюда приезжал московский тренер А. Семкин, заслуженные мастера спорта Л. Мешков и Н. Крюков, рекордсмены СССР К. Васильева, Ю. Колецкова.

Приезд москвичей был большой радостью для эстонских спортсменов. Они много сплачивались об этих членами и рекордсменами. Они любили плавать в великодушном бассейне Мешкова на киноэкране, они рассматривали портреты Мешкова и Васильевой, напечатанные в газетах. Но вот температура эта замечательных мастеров здесь, в Таллине, стоит рядом с ними в бассейне и готова подделиться своим сплотом, готова унести с собой эстонцев пловцов пешего спортивного класса.

Начались первые уроки. Но какая последняя трудность! Многие эстонские спортсмены еще не достаточно хорошо владеют русским языком. Капитаны Васильева чувствуют, что таллинские динамовцы Иви Элер и Вильма Аллеман плохо понимают ее объяснения. Но ведь молодежь может разобраться, можно еще и показать! И Васильева терпеливо, настойчиво, снова и снова показывала своим эстонским подругам особенность каждого движения:

— Вот так, Иви! Вот так, Вильма! Делайте, как я!

Так же поступали Мешков, Крюков, Кочеткова. Очень быстро общий язык был найден. К услугам переводчиков почти не приходилось прибегать. Москвичи втихомодействии таллинцев в упорной тренировке, помогли им отшлифовать технику.

Результаты учебно-тренировочного сбора оказались блестящими: во время сбора было установлено 25 новых республиканских рекордов.

Молодой мастер спорта брассает юношеский Эстонии установлен в новых рекордах Эстонии. Девятнадцатилетний Гуннар Пирис из спортивного общества «Калев» установил рекорд юношеского класса шестнадцатилетний Велло Прангель в стометровке на спине, побивший азиатский юношеский рекорд Крюкова (1 минута 14 секунд). Вайке Страндберг побила женский рекорд в заплыше на 100 метров вольным стилем, державшийся десять лет. Новые республиканские рекорды для юношеских установлены Ингрид Раммо, Вильма Лале и Иви Элер.

Погляди на эти таллинские молодежи! Обучается в спортивных школах: детской, молодежной, добровольческих обществ. Всего в зимнем бассейне постигают искусство стильно плавания около тысячи человек.

Когда наблюдаешь, с какой старательностью и усердием занимаются здесь молодые пловцы, с каким интересом они слушают советы своих тренеров, попадаешься на взгляды самих тренеров. Клокотит она и в гимнастических залах, и в плавательном бассейне, и на теннисных кортах.

Не за герами и спортивное лето. Скоро молодежь столицы Эстонской ССР выйдет на открытые площадки и водные станицы. Новый сезон пловцы и тениссы встретят во всеоружии.

Таллин.

Календарь

„СМЕНЫ“

ЗНАМЕНITАЯ КНИГА

Так характеризуется в «Кратком курсе истории ВБИГ» (6) ванической научной работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Исполнилось 50 лет со дня выхода в свет книги, завершившей идеальный цикл работы народа и партии. Книга «Развитие капитализма в России» оказалась неоценимую услугу рабочему классу и его партии. Известно, что в первые годы марксистской группы прошкольную работу в России вели народники, пытавшиеся противостоять марксистам. Народники исключали своего ученика из вреднейших рассуждений о том, якобы некапиталистические элементы в производстве, в торговле и в сфере услуг не являются источником и основой социализма народники видели не в революционном пролетариате, а в интеллигентии и в крестьянской общине. Стоял на почве народничества и марксистского народничества в те годы вопрос о том, что же такое народ, народность и народизм и его связи с пролетариатом, народники не понимали что в 90-х годах Россия не вступила в эпоху пролетариатской революции и что нет той силы, которая могла бы её с этого пути свергнуть.

«Развитие капитализма в России» В. И. Ленин начал писать в первые и последние годы своей жизни в селе Шушенском (1896—1898 годы). Вышла в свет книга 5—12 апреля 1921 года.

В этом великолепном и важнейшем научном труде В. И. Ленин на основе тщательного изучения громадного количества материала и экономических работ доказал, что Россия развивалась капиталистически, причём показано, как крепостническая Россия переходила в капиталистическую ходячи в ноги, с большими потерями производительности труда, как народился пролетариат, усилывалась классовая борьба рабочих и буржуазии.

В работе обоснованы идеи руководящей роли рабочего класса в революционной борьбе, уточнены эти идеи в труде В. И. Ленина наанс сокрушительный удар по народническим идеям и сыграли огромную роль в становлении советской марксистской мозговщины в России.

Написанная книга в доступной широкому читателю форме, известные воспоминания Н. К. Крупской о том, как защищали её от погони настырые погонщики книги и наездники, в которой облегчены чтение массовыми читателями, письмо к лидерам Ленинграда подкреплено указами о форматах, шрифтах и печати книг, о расположении таблицы о передаче в печать и т. п.

Труд «Развитие капитализма в России» вошёл в III том собрания Сочинений В. И. Ленина.

КРЫЛАТА МАТЕМАТИКА

5 Самой ёщё только рождавшейся — мединея, неуклюжая и хрюющая машина, которую приходилось сунуть в багажник, чтобы попасть в самолёт, — сумела бы лететь со скоростью 100 км/ч. Но лететь со скоростью 100 км/ч сумело уже в 1903 году, только при полете машин, летающих со скоростью, сравнимой со скоростью звука. Это была первая успешная работа С. А. Чаплыгина.

Чаплыгинская теория крыльев называется «о газовых струях». В ней впервые отмечено, что для полёта самолёта не требуется авиации, более 10 лет на тридцать лет, установил новый метод, позволяющий учитывать влияние сжимаемого воздуха на крылья самолёта.

Теория крыльев самолёта, исключительно многим обязана талантливому ученику С. А. Чаплыгина Е. П. Герасимовичу. Ему Чаплыгин самолёту огромную скорость, надёжность и безопасность, а также способность сложнейшие фигуры высшего пилотирования: «крылья Чаплыгина» — это крылья, позволяющие уменьшить опасную посадочную скорость, избавляющие пилота от опасности, более устойчивые, потому что имеют все авиационные инженеры — «С. А. Чаплыгин в своих математических исследованиях был далеко впереди иностранных учёных. Его

работы часто настолько опережали развитие техники, что, знакомясь с ними, лишь очень крупный специалист с огромным трудом мог тщательно проверить их, не связанные с какой проблемой науки или техники С. А. Чаплыгина взлаз на деревья и спасал спасением жизни».

Углублённый в чрезвычайно сложные математические исследования, Чаплыгин никогда не был оторван от общественной жизни. Ему очень многие обязаны разработкой методов, применявшихся в народном хозяйстве в России с 1905 года он был бессменным выборным директором Московских высших технических институтов. В 1912 году профессор Чаплыгин добился для женщин, окончивших высшие курсы, полных прав, дававшихся университетом.

Выдающиеся способности С. А. Чаплыгина, организатора и учёного, получили особое развитие при со временем.

После Великой Октябрьской социалистической революции С. А. Чаплыгин работал в ЦАГИ с 1928 по 1931 год, был директором этого института. В 1929 году С. А. Чаплыгин избирался действительным членом Академии наук СССР.

За свою выдающуюся деятельность учёный был награждён высшим орденом Трудового Красного Знамени. В 1930 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Чаплыгин считается восемьюкратным лауреатом со дня рождения этого выдающегося деятеля науки и патрона Умер С. А. Чаплыгин в октябре 1942 года.

Фотограф. Открытие подводного течения в проливе Босфор, много лет исследовали Тихий океан. Его замечательная книга «Витязь» и Тихий океан не потеряли интереса и теперь.

Адмиралу Макарову принадлежит право быть самым боевым броненосцем и броненосцем. Он создал свой быстро распространяющийся по всему миру. Броненосец Макарова, позволяющий снаряды пробивать броню. Терпеливые броненосные снаряды являются легендарной легендой Макарова.

По классической работе адмирала Макарова «Рассуждения по вопросу морской тактики» учились моряки в самых различных частях мира. Было бы ошибкой не перевести на все языки мира.

Деятельность С. О. Макарова, замечательный адмирал, военный союзник, высоко оценивается великим советским народом. Он был одним из тех, кто на огромную высоту поднял знамя русской науки.

ПЕДАГОГ И ПИСАТЕЛЬ

1 «Удивительный Вы человек и чище и настиче из таких, как Родина Русь нумерует», — писал в 1926 году А. С. Макаровский Горький в письме А. С. Макарову.

Сорокадвухлетним юношей начал Антон Семёнович свою педагогическую деятельность в качестве ученика преподавателя физики, начиная с дореволюционной школы, более шумущую, чем воспитывающую детей, не могла вырастить даже начинающего настороженного молодого педагога. Но, будучи живым по натуре, индивидуальным и настороженным С. О. Макаренко вся же пыталась вносить в педагогический процесс что-то новое, свежее.

Подлинное рождение Антона Семёновича связано с торжеством Великой Октябрьской социалистической революции. «После Октября перед мною открылся путь к жизни, к деятельности, к восхищению Макаренко. С этого периода начинается творческий расцвет его педагогической деятельности.

Вспоминаящая теория марксизма-ленинизма стала основой и практической базой для развития педагогических принципов А. С. Макаренко. Она вооружила его также и способом открытия чистоты, в основе которого лежит принцип социалистического гуманизма.

В 1920 году советские правительство поручило А. С. Макаренко организовать опытную трудовую школу для беспризорных детей. Задача эта оказалась сложной и трудной.

А. С. Макаренко ясно сознавал, что для создания нового советского общества нужны новые люди, антитипы, самоотверженные, свободные от честолюбия, пренебрежения, оправданий, лицемерия и предрасудков, люди, для которых интересы общества, общество выше интересов личности.

В «Педагогической поэзии», написанной на материале из опыта работы в трудовой школе, А. С. Макаренко показывает на наглядных примерах, как он старался реализовать все эти качества в юношах.

Многочисленные педагогические труды А. С. Макаренко, его статьи, практические выступления, лекции, замечательный дар художника он отдал созданию нового человека.

Последние годы жизни А. С. Макаренко были посвящены та-

лантическому поэзии, написанной путями и методами щёл Антон Семёнович и его жена Елена Григорьевна.

Творческий, радостный и коллеги-

тельный лад земств в основе пе-

дагогического метода А. С. Макарен-

ко и образований, в духе

и образований «Педагогической поэзии», написанной Еленой Григорьевной и других его произведениями.

Отмечая десятилетие со дня смерти А. С. Макаренко, мы выражаем благодарение читателей, память о выдающемся своем сыне — горячего патриота советской Родины, талантливейшего педагога и писа-

А. С. Попов демонстрирует адмиралу Макарову первую в мире радиостанцию. С картиной И. Сорокина

«БЕСПОКОЙНЫЙ АДМИРАЛ»

13 Сорок пять лет назад, 13 апреля 1904 года, в разгар японско-китайской войны, адмиралы, чтобы нанести удар японской эскадре на Формозу, находились в крепости. На броненосце «Петропавловск» находился командующий флотом Тихого океана адмирал Степан Осипович Макаров.

Неожиданно назначили царского привилегия С. О. Макарова на этот пост. Адмирал, несмотря на то что в крепости находился адмирал в широких кругах, был таёжка, а опасность, грозившая Тихим океаном, требовала немедленного вмешательства. Пришлось уступить явно выраженному желанию морского властелина.

Героическая эпопея С. О. Макарова подняла боевой дух эскадры. Адмирал, отбросив опасения, стреляя из дальнобойных снарядами с кораблем, помешавшим японцам форсировать бордюровать Петропавловск, свою эскадру «надуть» он сделал действием всей лучшей части флота. На левом краю эскадры, впереди остальных кораблей, на шлюпки, высоко над головой подняв адмиральскую шинель С. О. Макарова, Третье океанское судно стекли с неё на плавучий арсенал.

Гибель адмирала С. О. Макарова не стала ударом не только воинскому духу, но и всему народу. Адмирал первый в мире создал учение о непотопляемости судов, разработал принципы строения кораблей, дающие тяжко повреждённому кораблю не только держаться на плаву, но и вести бой.

С. О. Макаров был настоящим кораблестроителем, и он создал корабль, который, несмотря на то что он назывался «Беспокоиной адмиралом» — так наз-

ывали С. О. Макарова матросы, на привычку к тому, чтобы адмирал пропадал стоя на палубе, о судьбе людей и судов, заверенных им.

Идея фона «Петропавловск», идея адмирала Макарова, рассчитывая на большое сражение. На Броненосце неожиданно наступило морское возвышение. После вмешательства японцев было много снарядов, торпед, мин.

Выход русских кораблей из Порт-Артура 13 апреля 1904 года был опасен для японцев. Адмирал С. О. Макаров знал, что если японцы захватят море в своих руках, то Броненосец неожиданно наступило морское возвышение. После вмешательства японцев было много снарядов, торпед, мин.

На набережной Порт-Артура собирались огромная толпа. Она замерла, когда японцы, подняв на корабли шлюпки, высоко над головой подняв адмиральскую шинель С. О. Макарова, Третье океанское судно стекли с неё на плавучий арсенал.

Гибель адмирала С. О. Макарова не стала ударом не только воинскому духу, но и всему народу. Адмирал первый в мире создал учение о непотопляемости судов, разработал принципы строения кораблей, дающие тяжко повреждённому кораблю не только держаться на плаву, но и вести бой.

С. О. Макаров был настоящим кораблестроителем, и он создал корабль, который, несмотря на то что он назывался «Беспокоиной адмиралом» — так наз-

ывали С. О. Макаров широкую известность и как

АПРЕЛЬ

ИДЁШЬ, ПОЁШЬ!

Слова А. КОВАЛЕНКОВА

Музыка В. МУРАДЕЛИ

УНЕРЕННО, ИАПЕВНО

Чудес на свете о, очень много и для впереди и верь глазам. Ведёт чудесна...
я до юга людей отважных к чудесам. Ведёт чудес на я до рода людей отважных

Вокал

Х. Ч. десам и вёшь, то, вёшь! Дружеское вёшь и вёшь. Тер твой по путь чин. При...

БАКАЛЬНЫЙ ТЕМП

Задумал хороши, но чегда хороши, а всё ж добро, га лучше. з. Леты лучше

СТИСКИНО и РИТМОНО

Привал хороши, но чегда хороши, а всё ж добро, га лучше. ше.

Чудес на свете очень много,
Иди вперед и верь глазам.
Ведёт чудесная дорога
Людей отважных к чудесам.

Идёшь, пойши! Другой зевьши!
И ветер — твой попутчик.
Привал хороши, но чегда хороши,
А всё ж дорога лучше.

Лишиш тот глаза своим не верит,
Кто, за порог не выходит,
На снега и в дождь, снега и дождь
Боится снега и дождя.

Идёшь, пойши! И в снег и в дождь!
И ветер — твой попутчик.
Привал хороши, но чегда хороши,
А всё ж дорога лучше.

Не бойся бурь, не бойся грома,
Ириши, ириши веселей,
В горах, в лесах, в селах, всюду дома
Под небом Родины своей!

Идёшь, пойши! Цветок сорвешь,
И ветер — твой попутчик.
Привал хороши, но чегда хороши,
А всё ж дорога лучше.

